

Наталья Курапцева

*Кочумай,
Кочебей*

Старая история из жизни детективного
агентства

**Наталья Павловна Курапцева
Кочумай, Кочебей.
Старая история из жизни
детективного агентства**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22169323
ISBN 9785448349010*

Аннотация

В отличие от большинства героев современной детективной литературы, героев Натальи Курапцевой можно любить, что сближает ее книги с общей традицией русской литературы. Двое выброшенных из жизни людей, Учитель и его Ученик, в прошлом – неплохие журналисты, создают первое в городе частное детективное агентство и получают задание расследовать убийство восьмилетней давности в среде андеграунда...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	56
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Кочумай, Кочебей
Старая история из жизни
детективного агентства
Наталья Павловна
Курапцева

runova-nk@list.ru

*Историй несколько, все они должны собраться
в общий роман «Тихий ужас» из 5—6 историй
и общего сюжета моих любимых героев – Ивана
Кириллова и Олега Петрова, бывших журналистов*

© Наталья Павловна Курапцева, 2016

ISBN 978-5-4483-4901-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В сумерках старые деревянные ворота отливали серебром. Пит остановил машину, вылез, хрустнул позвоночником, потянулся, потом снял деревянную перекладину и развел створки ворот.

В Особняке было темно. Впрочем, возможно, что светилось окно кабинета, но оно выходило на другую сторону дома. Тарелка спутниковой антенны в тусклом свете подслеповатой луны была похожа на мохнатое ухо лешего. Ухо, заросшее мхом.

Так сказал Кир, когда устанавливал антенну. Каждый раз, подъезжая к дому, Пит видел эту сцену, как будто она, «сыгранная» однажды, существовала в каком-то пространстве-времени как данность...

Кир сел тогда на верхней перекладине длинной лестницы, положил рядом с собой на крышу инструменты и закурил. Чуть слева за его головой сверкали два круга: серебристое – антенны и темно-золотое – закатного солнца. В совершенно прозрачном воздухе легкая струйка табачного дыма наискось перечеркивала оба круга и уплывала во тьму.

Потом Кир спустился вниз, отряхнул брюки, посмотрел вверх, где только краешек луны еще цеплялся за верхушку сосны, и сказал:

– Леший выставил свое ухо... и слушает... мохнатое ухо

лешего, вот что это такое. Никаких спутников, никакого телевидения, есть только лес, люди и леший, который их охраняет...

Пит завел машину в гараж, взял пакеты со снедью и направился напрямик в кухню на первом этаже.

Здесь шведская газовая плита была установлена впритык к белой русской печи, над ними прямо на стенку крепилась печь СВЧ. Картина Дали! Гениальный шизофреник век бы не забыл эту кухню. Такое специально изобретать – не получится. Пит хмыкнул. Они с Киром пытались сделать кухню наиболее функциональной, чтобы все здесь было под рукой. От русской печи, которая была частью обогревательной системы всего дома, Кир не отказался бы даже за большие деньги: «Все эти электронные веники можно выкинуть, а вот эта вещь – на века», – торжественно произнес он. Но и от куриной ноги, приготовленной в СВЧ за одну минуту, он тоже отказываться не собирался. Такая вот у них получилась функциональность пополам с абсурдом.

На печке, укутанная ватником, дожидалась Пита кастрюля горячей картошки. Он открыл холодильник, сунул туда свертки с продуктами. Значит, в самый раз было накрывать на стол.

Пит нарезал хлеб – тонкими, почти прозрачными ломтиками, как учил Кир, вымыл помидоры и огурцы, сложил все это в хрустальную салатницу и уже тогда открыл дверь на лестницу и позвал:

– Кир!

– Я уже ел, – послышался глухой голос. – Насыщайся.

А потом я тебя жду.

Пит чертыхнулся про себя и снова вывалил все овощи в большую эмалированную миску. Он сел за стол, наложил себе картошки, залил ее сметаной, отрезал кусок балыка и стал есть. Вспомнил про чайник, зажег под ним конфорку.

Он съел три огромных помидора, пять крепеньких огурчиков, достал из холодильника открытую коробку апельсинового сока и налил себе целую кружку. Задумчиво посмотрел на связку бананов, но решил, что это будет уже перебор.

Пит сполоснул свою тарелку, поставил ее в сушилку, довольно потянулся всем своим длинющим телом и пошел к Киру. По дороге он завернул в гостиную, взял с овального столика, который они использовали как подставку для спиртного, бутылку «Мартини» и два высоких стакана.

– Сэр! – стоя на лестнице в круглом люке, Пит окинул взглядом кабинет.

Кир и ухом не повел.

Компьютер, естественно, флуоресцировал всеми своими лампочками. В затемненном, как обычно, кабинете. Кир любил работать именно так: при свете монитора включенного компьютера. Пит в такой обстановке через пять минут просто засыпал. Ему нужна была полная иллюминация. Правда, бывая в приподнятом настроении, Кир тоже любил, чтобы везде горел свет.

Пит шагнул в кабинет, подошел к свободному креслу, поставил на пол стаканы и бутылку, устроился со всеми удобствами и снова позвал:

– Сэр!

– Сейчас, – отозвался Кир. – У нас есть работа.

Пит внимательно огляделся. В дисковод компьютера застегнута дискета. Кир углубился в какой-то странный файл. Что-то из картотеки... Но ни одного листа распечаток с принтера не валялось ни на столе, ни на полу. Это означало, что Кир думает. Просто думает, либо собрав необходимую информацию, либо только подбираясь к ней. Возле телефона на маленьком белом столике лежал раскрытый блокнот.

– Это вдохновляет, – с удовольствием отметил Пит, – а то я уже мысленно сочинял мамочке слезное письмо.

Он отвинтил пробку на бутылке и разлил напиток в стаканы. Вытянул ноги почти через всю комнату, отпил из своего стакана пару глотков и взял со столика блокнот. Там были сделаны какие-то записи.

– Личный шифр Ивана Алексеевича Кириллова, – негромко произнес он. – Значит пока мальчик на побегушках носился по городу, наш уважаемый шеф принял и записал какое-то сложносочиненное сообщение... Вот по этому телефону, Кир? – Пит произносил слова в неподвижную широкую спину. – Этот номер, насколько я знаю, на всем белом свете известен всего пяти гражданам...

Кир оставил в покое «Машку», крутанулся в кресле, про-

тянул руку и взял свой стакан.

– Сенькаю, – улыбнулся он. Улыбнулись только узкие губы, глаза остались внимательными и спокойными. – Как твои дела?

– Нормально. Составил отчеты, заложил их в память, распечатал и отправил клиенту...

– По факсу? – поинтересовался Кир.

– Обижаешь, я вызвал курьера. Было два звонка – несущественно. Мила прислала открытку, отдыхает хорошо, как и все остальные, видимо. Август!..

– Нам звонили. Из Вашингтона.

– На проводе Белый дом?

– Как ни странно – нет, сугубо частный звонок. От женщины. Ее зовут Светлана Викторовна Булатова...

– Из Вашингтона?

– Из Вашингтона... Вообще, я доволен, что Белый дом нами еще не интересуется. Ни наш, ни ихний. Тебе, напротив, был бы интересен звонок какого-нибудь Госсекретаря. Или я не прав?

Пит пожал плечами.

– Я продолжаю. Итак, нашего клиента зовут Светлана Викторовна Булатова. Булатова – это важно. Она оставила себе фамилию первого мужа, выйдя замуж вторично. За американца по фамилии Дженнингсон. Ее первый муж сидел в тюрьме. За убийство. Хотя он утверждает, как сообщила мне Светлана Викторовна, что никого не убивал. Светлана

Викторовна просит нас выяснить, виновен ли он в убийстве. Через пару недель или около того она прибывает с краткосрочным визитом в родной город Санкт-Петербург, и если ее удовлетворят результаты нашей работы, она готова заплатить пять тысяч долларов.

– А что, следствие было плохо проведено? – спросил Пит, слегка ошарашенный.

– Не имею представления, – безмятежно сообщил Кир и отпил значительный глоток спиртного.

– То есть?

– Вся история произошла восемь лет назад.

Пит присвистнул.

– А что тебя так радует? – спросил он своего шефа. – Безумная какая-то история... Она мне не нравится.

– Есть здесь нечто... – Кир неопределенно поводит в воздухе длинными музыкальными пальцами. – Что ты знаешь о родном питерском андеграунде?

– Ну... Были такие люди, непризнанные гении, не вписывавшиеся в систему... Работали дворниками, кочегарами... Художники, как правило... Или вот еще Б.Г. – он дворником был. Андеграунд есть неофициальная культура, в основном, авангард, постмодерн. Что тебе еще нужно? Рассказать, как их крыл матом Никита Сергеевич, как бульдозером давили произведения искусства?

– У тебя не было контактов с этой средой?

– Нет.

– А у меня – были... И об убийстве Кочубея я, конечно, тогда слышал. Об этом говорили чуть ли не целый год. Пока я не перестал слушать. Зря, должно быть, перестал...

– Подожди, – остановил его Пит. – Я понимаю, что ты готов живописать свою личную жизнь с утра до ночи...

Кир изумленно вытаращился на него своими невыразительными темно-желтыми глазами.

– Уел, – удивился Кир и пересел в большое кресло. Его невысокое плотное тело ушло туда целиком.

– Не ставил такой задачи, – ощетинился Пит. – Итак, нам звонит из Вашингтона женщина. Почему ты в это поверил?

– А слышно было очень хорошо. Неужели ты бы не узнал этот ясный звук цивилизованной международной связи?

– Допустим. А где она взяла номер нашего телефона?

– Это я уже знаю.

– Ирина, – непроизвольно вздохнул Пит и прикусил язык, но было уже поздно.

Он представил себе, почти увидел, как Кир дернулся, вскочил, отбросил от себя кресло и скатился по лестнице вниз. Сколько раз Пит действительно это видел!.. Стоило только случайно произнести имя Ирины...

Кир встал на ноги, постоял, подумал... и сел обратно. Видимо, решил сам себя перевоспитать. Потом он спокойно сказал:

– Пойду сварю кофе...

Через несколько минут Пит спустился вслед за ним. В го-

стиной Кир поставил диск с музыкой Чайковского. Сам он стоял в углу, почти спрятавшись за штору окна и смотрел в темноту. На столе дымились два джезве.

Пит сел в кресло, налил себе кофе и ждал, когда он остынет.

– Я представляю это себе, – не оборачиваясь, насмешливо сказал Кир, – как сцену из фильма. С тех пор, как она позволила, я все кручу и кручу этот ролик...

Пит как будто услышал, что затрещала старая исцарапанная, похожая на любительскую, черно-белая неозвученная лента. Его друг умел так говорить, словно на экране перед тобой разворачивались кадры никогда не снимавшегося фильма.

Кир заходил по комнате, негромко наговаривая слова себе под нос. Пит, передвинувшись на край кресла, вытянулся в струну.

...Вечер. Подъезд. Дверь в квартиру. Дверь открывается, и за ней видна небольшая, довольно обшарпанная комната.

За столом, спиной к зрителю, сидит человек. У него длинные волосы – чистые, легкие, тронутые сединой. Спокойная, ни к чему не обязывающая одежда: рубашка (или свитер), старые джинсы. Он пишет или думает. Потом раздается звонок в дверь. Он слышит звонок и выходит в коридор.

Спокойно идет. Иногда чуть кривит рот, словно у него очень сильно болит голова. Видимо, вчера перепил. Это может случиться с каждым. Он открывает дверь. На пороге –

двое милиционеров.

– Гражданин Булатов?

– Да.

– Сегодня в больнице скончался Владислав Кочин. Перед смертью он сказал, что его убили вы.

– Да?..

Человек не отводит глаз, не пытается убежать. Напротив – он как бы цепенеет, его взгляд уходит внутрь себя. Он долго молчит, затем произносит несколько слов.

– Ну, что ж... если... он так сказал, значит... так оно и есть... Вы хотите, чтобы я пошел с вами?..

Дальше – коридор в тюрьме, по которому уводят Булатова, руки за спину. Сзади – конвой...

Пленка прошуршала, мелькнула – и пропала.

Пит отхлебнул кофе, обжегся, обозлился, вскочил на ноги, налетел на кресло, чертыхнулся, в раздражении выключил проигрыватель. От окна за ним с иронией наблюдал Кир.

– Ты уже выдумал себе историю... Молодец! – стал шипеть Пит, не глядя на друга. – Восемь лет назад! Восемь лет назад жил на свете гениальный очеркист Иван Кириллов и безвестный первокурсник журфака Олежка Петров!.. А теперь ты выдумываешь про ту ушедшую жизнь какую—то чертовщину, которой в природе не было. Лучше бы ты писал, ей Богу! Роман что ли напиши, Кир... У тебя получится, я не сомневаюсь в этом ни одной минуты. Но что делать нам с этим убийством восьмилетней давности? Только вы-

думанный персонаж, Эркуль Пуаро, был способен разоблачать преступника спустя много лет. Это же роман, литература! Нет, как ты себе это представляешь? Реконструировать сцену убийства? Опросить свидетелей? Поднять дело в архиве ГУВД?

– Нет, я хочу, чтобы ты встретился с Булатовым. И посмотрел на него. Мне будет достаточно твоего слова: мог он убить или нет.

– А даме из Вашингтона этого будет достаточно?

– Это я возьму на себя, – ухмыльнулся Кир.

– То есть ты хочешь подсунуть ей туфту? – поразился Пит. – За пять тысяч баксов?

– Нет, я собираюсь свой гонорар отработать, всерьез, только не в архивах ГУВД. Мы проведем свое собственное расследование, постараемся разобраться, что к чему... Я не знаю, на что мы выйдем, но чует мое сердце – выйдем обязательно.

– Не нравится мне этот Кочубей... Кстати, почему Кочубей? Ты сказал: Кочин?

– «Богат и славен Кочубей...» Слава Кочин был почти самым известным человеком андеграунда. Во всяком случае, самым любимым – это точно. Не было человека, который бы держал против него камень за пазухой. Вот это тогда всех и потрясло: невозможно было даже представить себе человека, который способен убить Кочубея... Я не был с ним знаком, и вообще был скорее вне... Все сошлись на том, что его

убила система, а кто был ее орудием в данном конкретном случае – неважно. Но ведь если его убил не Булатов, кто-то же его убил? И восемь лет ходит... тут, может быть, рядом с нами... А? Как тебе такая перспектива?

– Как это произошло?

– Была пьянка. В мастерской у одного художника. Все видели, как Кочин на лестнице выяснял отношения с Булатовым. Женщину они что ли не поделили... А через пару часов его нашли на этой лестнице в углу без сознания, в крови. Вызвали «скорую», отправили в больницу. Там оклемался, и вроде бы все ничего, но через три дня он умер – оказалось, что у него разрыв селезенки. А перед смертью он так и сказал: «Булат Кочубея убил...» Улыбнулся – и умер.

– То есть он так его избил...

– Не знаю... И боюсь, что есть только один человек на свете, кто знает. Это либо Булатов... либо кто—то другой... убийца. Ты, ученый в американских академиях, скажи-ка мне, нецивилизованному, как можно получить разрыв селезенки?

Пит подумал.

– В любом случае тот, кто бьет, должен быть значительно сильнее физически, правда, по пьянке... – неуверенно предположил он.

– Да, образованный ты мой, – иронично заметил Кир, – я думал, в частных школах детективов классифицируют все случаи убийств. Как минимум.

– Классифицируют, – подтвердил Пит. – Но смерть на третий день – нетипичный случай, как и разрыв селезенки, его нельзя классифицировать. Так что существует довольно большой разряд убийств, которые просто не подпадают ни под одну систему классификации. Необразованный ты мой!

– Раз этого не делают американцы, это сделаем мы. Тамошний нетипичный случай может для нас оказаться весьма характерным.

– Я себе представляю этот суд, – поморщился Пит. – Андеграунд, пьянка, драка на лестнице... Кто там в чем разбирался? Взял Булатов вину на себя – и слава Богу... Это тебе не процесс Синявского и Даниэля.

– И даже не суд над Бродским, – согласился Кир. – Там хоть о чем-то надо было думать, хоть какую—то проформу соблюдать... Ладно, пойдем подышим воздухом, выпустим Волкодава...

Они вышли под ночной свет звезд.

Слева и чуть вдалеке тускло отсвечивало озеро. Справа на пустом участке между тремя огромными соснами высилась теплица – детище Кира. В метре от нее тянулась в одну линию грядка с капустными кочанами. Кир отстегнул карабин от цепи, и Волкодав, прежде чем броситься прочь, встал на задние лапы, положил передние на плечи Кира и вылизал ему лицо.

– Фу! – рассмеялся Кир и оттолкнул от себя добермана.

Волкодав помчался вдоль забора – молча и стремительно.

По его следам направился Кир.

– Еще пару недель – и начнется великая эпопея квашения капусты, – с довольным урчанием сообщил он. – Ты посмотри, какие кочаны выкатились! Двадцать шесть штук! Ай да Кириллов, ай да сукин сын! Завтра мне привезут бочку, я ее зашпарю... надо дубовых листьев нарвать...

Пит молча шел рядом с приятелем.

– Не нравится тебе, Олежка, моя мечта о квашеной капусте... – как бы горестно вздохнул Кир. – Не нравится. А почему? А потому, что ты возрос на идее примата труда интеллектуального над физическим.

– Ты же не любишь никакого физического насилия над собой, – парировал Пит. – Ранних подъемов, тренировок, холода, дождя... Не вписываются, понимаешь, в образ сибарита твои парники и бочки для капусты...

– И Волкодав, да?

– Да. Тебе бы подошла сиамская кошечка, мурлыкающая на ковре у твоих ног.

– Совершенно справедливо! – покивал Кир. – Но, видишь ли, мой друг, человек – существо нелогичное, а меня меньше, чем кого бы то ни было, можно уложить в схему, – он вздохнул, – в отличие, например... от тебя.

Он резко повернулся к Питу, чтобы увидеть его реакцию, уловил на лице Пита досаду, недоумение – и расхохотался. Вернее, сдержано похрюкал, что у него всегда считалось выражением безудержного веселья. Так он изображал смех.

– Я мог вообще сегодня остаться в городе, – защищаясь, сказал Пит.

Много раз Питу не хотелось по вечерам ехать в Особняк. «Особняк»! Тоже мне, дети Фолкнера... Это было вполне реально – отзвониться Киру по телефону и поехать в довольно неухоженную, но все-таки в свою собственную квартиру. Их отношения не требовали ни строгой отчетности, ни участия в личной жизни друг друга. Но на этом куске земли, под этим небом с Питом что-то происходило, чего он не понимал, – и не хотел. Но это было фактом реальной действительности: что—то происходило, он чувствовал. А оспаривать факты реальной действительности он отказался много лет назад.

– А зачем же ты приехал? – изумился Кир.

Не дождавшись от Пита ни одного слова, он похлопал приятеля по плечу и позвал:

– Пошли спать. Ты же не станешь возражать, что спится здесь лучше, чем в полудохлом Питере? Утром искупаешься, поешь – и все пройдет... Побеседуешь с Булатовым, с Кочинной... А Милка скоро приедет, не бойсь.

Пит молча стряхнул его руку с плеча и пошел в дом.

Кир свистнул, Волкодав подал голос – и затих.

Кир вслед за Питом вошел в дом, где сразу же погасло одно окно.

Странное, причудливое сооружение еще финской постройки с башенкой, купленное четыре года назад за смеш-

ные теперь деньги и превращенное Киром в «Контрольный Пункт» на пороге иных миров, было чужим для Пита. Но дом был сильнее его. И Пит покорился неизбежному – до той поры, пока не ослабнут силы магического притяжения, и он окажется свободен. Абсолютно свободен, даже от Кира.

Глава 2

Пит нажал кнопку звонка возле коричневой двери на третьем этаже стандартной пятиэтажки.

Дверь медленно раскрылась. На пороге стояла невысокая женщина с блеклым лицом, забранными в узел волосами, в старых джинсах и мужской рубаше с закатанными рукавами.

– Вы Татьяна Кочина? – спросил Пит. – Это я вам звонил, из Союза журналистов...

– Проходите, – неласково кивнула она головой.

Пит вошел в небольшую прихожую, потом в комнату с двумя железными кроватями, телевизором и голыми стенами. Только на одной из них, приколотый булавками к обоям, красовался старый и кое-где порванный огромный фотопортрет очень красивого человека.

– Садитесь, – сказала хозяйка и сама села на застеленную кровать.

Пит примостился на стуле, не зная, куда деть свои длинные ноги.

– Слушаю вас, – бросила Кочина.

– Как я вам уже говорил, меня попросили написать серию статей про ленинградский андеграунд, – начал Пит, нащупывая интонацию.

– Ко мне-то зачем пожаловали? Да, теперь теоретиков

и историков андеграунда... Господи, слово—то какое изобрели! Так вот вас, теоретиков, – пруд пруди. А мы все даже и не догадывались, что это андеграунд... Дети подземелья – ха—ха... просто жили – и все...

– К вам я пришел из-за вашего мужа, – твердо заявил Пит. – Я уверен, никто себе не представляет его роли в становлении этого самого... андеграунда... Это он? – не выдержав взгляда человека на портрете, спросил Пит.

– Славка... – улыбнулась хозяйка. – Забыли, конечно, его забыли... Ну и наплевать! Он бы и сам плюнул.

И вдруг Пит вспомнил давнюю сцену: Кир, вернувшийся с каких-то похорон своего друга. Было это давно, лет десять-двенадцать назад, и помнилось смутно, но где-то в подкорке все-таки сидело и вот сейчас выплыло: «Какая жизнь отгоревала!..» – кривлялся пьяный Кир. А в глазах его стояла такая боль!.. Такая!.. Что Пит тряс его за плечи и просил: «Ну поплачь, поплачь, ну пожалуйста...» Казалось, если эта боль выльется слезами, она уже не вернется.

– Какая жизнь отгоревала! – кричал Кир. А потом начал хохотать. – Это были такие замыслы, такой полет фантазии, талант, сила, красота – все!.. И – все... И – ничего! Понимаешь, вообще ничего: ни фильма, ни Парижа, ни любимой женщины, ни сына, ни книги... Ни-че-го... «Какая жизнь отгоревала!..» Ха-ха-ха-ха-ха. И на этом «ха-ха» придется поставить точку...

Пит был так поражен, что постарался забыть, стереть

из памяти эту дикую «сцену у фонтана»: такие страдания не имели, не могли иметь отношения к Ивану Кириллову, к его сдержанному, ироничному Киру. Поэтому он еще больше поразился, что вспомнил об этом именно сейчас. Лицо человека на портрете... Вот по этому человеку, наверное, можно было так убиваться, как тогда убивался Кир. Но что ему, Питу, – Кочубей? Вот оказалось, что это был очень красивый человек... и не только красивый... его нет уже восемь лет, а портрет, а жена...

– А почему его прозвали Кочубей? – спросил он хозяйку дома.

– Кочубей – он и есть Кочубей... Широкий был мужик. Озолотил всех. Не деньгами, конечно... Ну, да вы не поймете, вы теперь все прагматики, рыночники-западники.

– Вы хотите сказать, что он, как и вся ваша среда, жил другими ценностями? – вежливо поинтересовался Пит. – Это мне кажется принципиальным.

Хозяйка дома фыркнула.

– Вот вы-то, небось, про будущий гонорар думаете, да еще о том, как бы на Запад продать свой ненаписанный шедевр. Вот и все ваши мечты. Так? – Пит промолчал. – А чем вы свой гонорар обеспечите? Чем? Да рассказом вот про него, – Таня указала на портрет. – За его способность жить... и умереть... вы получите свои вонючие деньги...

– Вы были на той вечеринке, – Пит попробовал жестко подвести ее поближе к «делу», – где его забили до смерти?

– Нет, конечно! – снова фыркнула она.

– Почему? – еще более жестко потребовал Пит.

– Я была с сыном! А он был... с Ленкой. Ленку они с Булатом и не поделили. Вы что, и про это писать собираетесь? Сегодня все так и рвутся заглянуть к другому под одеяло. А вы знаете, молодой человек, что это – неприлично? — все-ррез поинтересовалась Татьяна.

– Знаю, – Пит сбавил тон, – Я просто хочу понять, кем был все-таки ваш Кочубей, при одном имени которого люди до сих пор либо плачут, либо смеются.

Хозяйка дома задумалась, потом негромко заговорила, словно сама с собой.

– Он мог бы мне позвонить, но не стал... чтобы я с ума не сошла... он знал, что я просто рехнусь... а вырастить Дениса могу только я... это он тоже знал... А потом позвонили, сказали, что он в больнице... Ну, по пьянке чего не бывает...

– Кто же вам позвонил? – напомнил Пит о себе.

– Ленка... Она и позвонила... Она и хоронить помогала... Хорошая девка, наша, настоящая. Славка если в кого влюбится, можно клеймо ставить: золотая!

У Пита слегка поехала крыша. Ему даже слышать никогда не доводилось, чтобы так говорили о «другой» женщине. Ему казалось, что это невозможно биологически: понять и простить измену мужа. А уж нахваливать его любовницу... Разве так бывает? Неужели возможны на самом деле такие отношения и такая любовь? Если это возможно в том самом

треклятом андеграунде, он был не прочь записать адресок – так, на всякий случай, вдруг утопиться захочется.

– Интересно, – сухо обронил Пит. – Но, как вы думаете, почему их не могли разнять? Получается, Булатов убил...

– Булатов не убивал, – спокойно сказала Таня. И расхохоталась. Правда, невесело. – Булат? Ногами? Кучубея?! Бред собачий.

– Но Кочин сказал об этом перед смертью...

– Он пошутил!

– Ничего себе шуточки!

– Да нет, ничего вы не понимаете! – рассердилась она. – Или я не могу объяснить... Я поэтому тогда и не пошла в милицию. Что я скажу?... Это какой-то обыгрыш... Славка играл словами, изменял их, вносил новый смысл... Булата он видел, может, они и подрались... За Ленку? Как же! Святое дело – дать друг другу по морде... Как дети, честное слово!.. Но «булат» – я думаю, что это все-таки нож... Как там у Пушкина? «Все куплю, сказало злато, все возьму, сказал булат...» Славка любил Пушкина цитировать... Да и в милиции могли что-то перепутать, там тоже деятели хорошие... Но ведь его не ножом? – наклоняясь к Питу, спросила Таня, словно в его глазах она могла прочесть ответ на мучившие ее вопросы.

– Вы знаете эту историю лучше меня, – отстранился Пит.

– Да... – протянула Таня. – Почему вас, спрашивается, это может интересовать? Но знаете, популярные лекции об ан-

деграунде я вам читать не буду.

– Но вы можете подтвердить, что ваш муж был значительной фигурой в андеграунде?

Таня пожала плечами.

– Об этом надо спрашивать не меня. Что вы напишите? «Вдова Кочина считает, что он был значительной фигурой в среде андеграунда...» Попробуйте только, я вам первая глаза выцарапаю.

– А кто может это сказать? Булатов?

– Не знаю... Я даже не знаю, как сейчас Игорь живет. Но я схожу, обязательно. Говорят, от него жена ушла. Странно: ждала-ждала, а когда он вернулся... Устала, наверное, так бывает, – Таня обращалась не к Питу, а к портрету Кочубея. Наверное, она могла так сидеть и разговаривать целыми днями.

– Среду андеграунда, – авторитетно начал Пит, – оценивают в корне неверно. Ваш муж, в частности, пострадал все-таки не от советской власти. Его убили просто в пьяной драке, – Таня дернулась. – Извините, конечно. Чтобы писать об этой среде, я должен понять, а понять я не могу... Я не могу понять, – взорвался он, – почему вы обрекли себя на постоянное присутствие в своем доме и в своей жизни человека, которого восемь лет нет в живых?!

– В этом доме живет его сын... «А ей остались сыновья с его чертами...» – неожиданно сильно и красиво пропела она. – Кочубея можно встретить один раз в жизни. Или

не встретить – никогда. Таких, как вы, ходит миллион – ни жарко, ни холодно... Извините, я не хотела вас обидеть.

– Это не обидно, не расстраивайтесь. А кто и когда делал этот портрет, вы не знаете?

– Сашка, дружок его снимал. У него на шкафу и валялся, а трубочку свернутый. Потом Ленка нашла и мне принесла.

– Значит, это он так на друга смотрит? – вырвалось у Пита.

– А может, корова шла? – с вызовом бросила Татьяна. – Он коров сильно уважал...

Пит вышел от Кочиной сердитым. Чем—то она его все—таки зацепила, непонятно только, чем. Уж очень сурова, неприязнительна и... ни единой живой искры в глазах, в сердце... В общем, как—то это было не весело, хотя на особое веселье Пит и не рассчитывал. Он сел в машину и поехал в контору.

Офис, как теперь принято обозначать служебные помещения, располагался на набережной знаменитого питерского канала в полуподвальном помещении и состоял всего из одной большой неровной комнаты, не считая кладовки и туалета. Железная дверь снаружи не имела никаких опознавательных знаков. Зато невысокое полукруглое окно выходило на канал. Когда они случайно наткнулись на этот двор, на эту дверь и забитую хламом кубатуру, Кир сказал, что он будет жить – здесь. Комната была пятиугольная, со стенами разной длины и невысоким скошенным потолком.

– Это будет контора под названием «Пять углов», – тут же

начал сочинять Кир, – я поставлю здесь диван, кресло, компьютер и буду смотреть в окно на башмаки прохожих. А? Нравится?

Но выяснилось, что даже существовать здесь сложно, потому что практически нечем дышать, особенно летом. Милке, которая жила в двух шагах от конторы, летом разрешалось приходить сюда дважды в день. Зимой она могла высиживать часов пять—шесть, не больше. Правда, однажды они все трое сидели тут почти безвылазно чуть ли не трое суток – остались живы, конечно, но и повторить этот подвиг не стремились. Если разобраться, ничего хорошего, кроме питерской самобытности, в помещении конторы не было. Но и менять ее не было ни времени, ни желания.

Пит вошел, осмотрелся, заметил на факсе скрученное в трубочку сообщение, оторвал бумагу, положил на стол, разгладил и внимательно прочитал. Потом скинул куртку и включил компьютер.

Он набрал номер телефона и подождал, пока ему ответят. – Владимира Васильевича, будьте добры... Владимир Васильевич, вас беспокоит Олег Матвеевич Петров из агентства «КП». Мы получили ваш запрос, что я и подтверждаю. Завтра вам сообщим, принимаем ли мы его к работе. До завтра ваше дело терпит? Вообще, мне кажется, что вы уже сейчас можете начинать готовить иск для представления его в арбитраж, но если вы хотите получить более подробную информацию, придется поработать.... Сейчас не могу ска-

зять, сколько на это потребуется времени. Подождите до завтра? Договорились? О'Кей!

Пит положил трубку. Вечером Кир сам решит, что с этими господами делать. Не исключено, что у него найдутся ответы на все вопросы – база данных была в отличном состоянии. Милкиными трудами! Он включил модем и набрал на компьютере текст запроса. Пора было, наконец, узнать адрес Булатова. Светлана Викторовна то ли забыла, то ли не захотела его дать – надо же, в конце концов, отрабатывать пять тысяч долларов. Хотя Пит не был уверен, что эти деньги они получат. Русские эмигранты слишком неохотно расставались с вожаденными «зелененькими», а у Светланы Викторовны к тому же деньги не ее, а неведомого мужа. Весьма сомнительно, что разумный американец – а на русских женщинах женятся только очень разумные американцы – готов финансировать столь абсурдную авантюру.

Пит не хотел себе признаться, что ему просто не хочется влезать в эту давнюю историю, которая никак не может изменить день сегодняшней. Конечно, любопытно исправить следственную ошибку (если таковая имела место) и доказать, что отсидевший свой срок человек невиновен. Однако, интерес этот чисто теоретический, кому от этого легче станет жить? Не вернуть ни Кочина, ни семи тюремных годов Булатова... кстати, почему он так мало сидел, за убийство—то? Это – прошлое, а прошлое изменить нельзя, каким бы ужасным и несправедливым оно ни было. Пит был готов сра-

жаться с сегодняшним злом, выводить на чистую воду тех, кто обирает и без того загибающуюся страну. Готов был рисковать – как тогда, в первый раз, когда они вылезли из казалось бы безнадежного положения. Или как в настоящем сражении с подпольным миллионером, который долго и безнаказанно совращал девчонок, превращая их в проституток, но в конце концов поплатился за это двадцатью годами тюрьмы. Не без их с Киrom участия.

Но андеграунд?.. Это какой-то миф. Пит был согласен, что материал интересный. Как газетный материал. Для серии очерков или даже для книги. Но возвращаться на десять лет в прошлое, чтобы разобраться во взаимоотношения этих не от мира сего людей?.. Нет, это никак не входило в его задачу. Пит посчитал бы себя свободным от обязательств заниматься этим делом. Но четыре года назад он признал для себя старшинство Кира. В уставе частного детективного агентства «Кириллов & Петров» (сокращенно «КП», допускающее любую расшифровку) все права были расписаны поровну между двумя партнерами, хотя деньги принадлежали Питу, вернее – его матери. Небольшие первые деньги, которые были вложены в уставный фонд. Но «мозговым центром» этого безнадежного предприятия был, конечно, Кириллов. И не только потому, что он был когда—то учителем и наставником Пита. Он придумал это агентство, у него были связи, чтобы его оформить и узаконить. Интеллектуальный капитал Кира, вложенный в тот же самый уставный фонд,

был неизмеримо больше реальных денег. Так считал Пит, и это было справедливо. Пит когда—то признал, что Кир имеет право «командовать парадом», потому что всю жизнь командовали им, Кирилловым. Пит спокойно отдал в его руки стратегию и планирование, анализ и оценку ситуации. Он знал, что решение, которое принимает Кир, на несколько порядков более результативно, чем любое другое, даже если на первый взгляд кажется просто бредовым. Кир сидел в Особняке и думал, Пит — действовал. Он принимал решения в рамках той задачи, которую ему ставил Кир. Иногда для этого приходилось брать себя за горло, как, например, сейчас. Но правила своей игры они определяли вместе с Кирилом, и Пит считал себя обязанным играть по этим правилам.

Глухое раздражение перекатывалось где-то глубоко внутри, и Пит не желал извлекать его на свет божий. «У меня давно не было женщины, — подумал он. — Надо было ехать вместе с Милой в отпуск. Испугался? Испугался...»

Чтобы скоротать время, он включил кофеварку. Когда кофе набулькался в стеклянный сосуд, Пит налил себе чашку и стал пить мелкими глотками, поглядывая на экран компьютера. Наконец, тот запиликал и выдал сообщение.

— Станкостроителей, — с ненавистью произнес Пит. — Первая квартира... значит, и этаж первый, — он выключил модем и набрал номер телефона. — Кир, это я. Я хочу искупаться.

— Приезжай, — услышал он ровный голос Кира.

— Да, тут пришел запрос по поводу субаренды... на Ки-

рочной... полторы тысячи квадратов... обычная афера, по-
моему: аренда, субаренда и так далее.

– Приезжай, – повторил Кир. – У нас сегодня шашлыки.

Глава 3

Пит выскочил из дома в одних плавках, глянул на Кира, который в ватнике колдовал возле мангала, вылетел за калитку и в спокойном темпе побежал, рассчитывая свои силы километра на два.

Он бежал. Потому что с самого детства считал необходимым поддерживать свою физическую форму – это было убеждение, которое заложил в его подкорку отец. Потом его вколотили еще глубже на занятиях американской школы детективов. В их с Киром «двойке» Пит был – мускулами, мотором, а Кир – мозгом, локатором, сенсором. На Западе «двойки» соединялись совершенно по другим признакам, поскольку два человека всегда работали вместе, сами себе они принадлежали только в свободное от работы время. Во время же оперативно—розыскных мероприятий способности одного умножались на два – в этом был смысл. Там считали, что если больше и мощнее, то и эффективнее. Смешно, конечно. И что такое эффективность? От слова «эффект», видимо...

Дважды в неделю Пит занимался в большом тренажерном зале с хорошими мастерами своего дела, здесь, в Особняке, у него тоже было нечто вроде небольшого тренажерного зальчика, куда иногда с любопытством заглядывал Кир, словно не понимая, кому и зачем нужны все эти странные

железяки. Но больше всего Пит любил длинные пробежки и купание в озере – он нырял в любую погоду, в том числе и зимой в прорубь. Еще Пит любил сауну и парикмахерские салоны. Вкусы Кира были прямо противоположны.

Пока Пит мучил свое молодое тело всякими гимнастическими, Кир, сибаритствуя в мягких домашних тапочках хорошей кожи, в велюровой куртке с атласными отворотами на рукавах, раскладывал в гостиной Особняка на овальном столике карельской березы любимые пасьянсы «Могила Наполеона» или «Бриллиант в оправе». Он не признавал над собой никакого физического насилия: ранних подъемов, выполнения в срок каких-либо обязательств, регулярных тренировок, соревнований, холода и дождей. Ледяную прорубь Пита он воспринимал с содроганием. Зато Кир был ходок. В юности он исходил пешком весь город, каждую улицу, каждый переулок, проверяя по карте, куда же еще не ступала «нога человека». У него были свои излюбленные маршруты, неведомые самым ушлым экскурсоводам. По лесу за грибами он мог носиться часами, когда Пит уже валился с ног от усталости и засыпал под какой-нибудь елкой.

Пит мчался по городу в машине, при необходимости стоял часами или даже сутками в подъезде полуразрушенного дома, бежал под дождем... Кир сидел за компьютером – и постепенно пол устилался бесконечными листами принтерных распечаток. Пит утром бежал к озеру, Кир, потягиваясь после бессонной ночи, направлялся в постель. Кир пропалывал

и собирал огурцы в теплице, Пит объезжал магазины и закупал продовольствие. Таков был их образ жизни, довольно прочно устоявшийся за последние четыре года.

Пит с разбегу бросился в озеро и поплыл к дальнему берегу, где стояли на воде круглые кувшинки. Вода уже была поосеннему холодной. Пит нырнул глубоко и выскочил из воды свечой, словно заново родившись на белый свет.

У себя в комнате он растерся полотенцем, надел брюки, свитер, сунул ноги в сапоги. У двери снял с гвоздя и набросил на плечи ватник.

На маленьком столике, вынесенном во двор, стояла миска с хлебом, бутылка с соусом, лежали лук, чеснок, сверкала литровая бутылка водки и две стопки.

– Прошу! – царственным жестом пригласил Кир, сбрасывая ватник и усаживаясь на него.

Пит сел, и Кир протянул ему шампур с готовым мясом. Потом он налил две стопки.

Они молча чокнулись, молча выпили. Поели. Мясо было отменным. Конечно, даже ради таких шашлыков имело смысл жить за городом, в лесу, вдали от заклинившейся цивилизации. Хотя Питу этой самой цивилизации здесь и не хватало, не хватало суеты, беготни, встреч с людьми... и нежских берегов. Да, он очень любил свой город и, повидав самых разных городов, считал Питер единственным городом на планете. Тут они с Киrom совпадали полностью. Но Пит и жить хотел – в нем, а не около него. Кир только посмеи-

вался: «А в Эрмитаже ты бы не хотел жить?» Он считал, что свой город нельзя утратить, потому что не ты живешь в городе, а он – в тебе. Питу этого было недостаточно. Может быть, пока?

После добротной трапезы Пит решил отчитаться.

– Если это начало расследования, – заявил он, – то его нельзя назвать удачным. Я ничего не узнал, кроме того, что жена убитого отрицает вину убийцы.

– Вот так? Это уже интересно, это уже – кое-что... И что она говорит?

– «Булат? Кочубея? Ногами?! Да никогда в жизни», – Пит постарался процитировать точно, даже как будто воспроизвел интонацию Тани.

– Ногами, говоришь... А что Булатов?

– Я был в редакции, – с вызовом заявил Пит.

– С чего вдруг? – делано изумился Кир.

Пит его издевку проигнорировал.

– Оказывается, Игорь Владиславович Булатов совсем не изображает из себя отшельника. Он появляется в обществе и весьма знаменит, правда, в очень узких кругах. Он прочел две лекции. Резонанс от них либо слишком велик и уходит далеко в будущее, либо слишком слаб и погас тут же в аудитории.

– И где же он выступал?

– В Союзе писателей и... в Епархии. Насколько я понял, он развивает какие-то идеи Сергея Булгакова и Павла Фло-

ренского. И как-то увязывает все это с Достоевским. Ни коммерция, ни демократия, судя по всему, его не интересуют. На что он живет, неизвестно. Вроде бы у него есть родственник на Западе. Во всяком случае, какой-то «голос» сделал о нем передачу. Булатов говорил о русском языке, но как отметил свидетель, ни единого слова понять было невозможно. Ты знаешь, это даже профессионально было бы интересно: написать про человека, который живет поперек времени.

– Ты думаешь, таких мало? Напиши про меня, – усмехнулся Кир. Пит помолчал. – И тебе захотелось, – тихо и вкрадчиво проговорил Кир, – чтобы пришел верстальщик Володя и сказал, что нужно сократить двадцать строк, и ты был бы счастлив, что не пятьдесят... Да?

Пит молчал. Кир похрустел луком, бросил Волкодаву неудавшийся кусок, собака в воздухе схватила мясо, проглотила, лязгнув зубами, и легла, внимательно наблюдая за Киrom.

Пит испытывал мазохистское чувство отчаяния. Заехав «к себе» в редакцию, чтобы разузнать что-нибудь о Булатове, он ушел оттуда больным. Он сидел на столе, курил, острил, изо всех сил пытаясь изобразить того же самого Олега Петрова, Пита, которым он был в этих стенах еще пять лет назад.

Конечно, он был другим. Да и здесь теперь все было как—то... иначе. Запахи, атмосфера... Но ему нестерпимо хотелось обратно – в эту ежедневную суету, которая обрывается

часов в одиннадцать, когда верстальщик Володя (тут Кир попал в самую точку!) кладет перед тобой свежий оттиск полосы и радостно сообщает, что надо сократить двадцать восемь строк. Или семьдесят. И ты начинаешь обратно отматывать весь день с утреннего метро, первого, четвертого, пятого интервью, обрывков слов, телефонных звонков, мелькнувших в голове мыслей, которые через пять часов преобразовались в три машинописные страницы, по цепочке – от редактора к выпускающему – ушли в цех и стали сотней металлических строк, перевязанных бечевкой. Как можно было все это любить? Неизвестно! Но Пит любил – с горячечным жаром почти полного самоотречения. И Кир любил тоже, правда, без особого пыла и уже тем более без самоотречения, но он любил именно газету... а не себя в газете, что так характерно для большинства коллег.

А сейчас он дал Питу по морде. Зачем? Это был его метод воспитания: проверка на умение держать удар. В этой игре он был неутомимым тренером и пасовал «мячи» со скоростью и силой электрического удара и с меткостью снайпера – в болевую точку, прямо «в яблочко». По Киру можно было строить карту акупунктуры любой души. Он это умел. И тоже любил, может быть, больше всего на свете.

– Дважды не входят в одну и ту же реку, – наконец, после долгого молчания невесело сообщил Пит.

– Значит, к Булатову ты не поехал... – принял Кир.

– Мне не нравится это дело! – взорвался Пит.

– Почему? – изумился Кир.

– Даже если мы чего-то добьемся, в смысле что-то узнаем, это ничего не изменит.

– Понимаю... Мы хотим быть разящим клинком в борьбе с коррупцией и организованной преступностью, с мафией, которая правит страной. Мы хотим оперировать глобальными категориями... Я знаю, кем бы ты был 20 августа 1991 года примерно... в это время.

– Где, ты хотел сказать.

– Нет, я сказал именно то, что хотел сказать: кем. Ты был бы четвертым. И наш президент проливал бы слезы и над тобой: мол, не смог уберечь, ай-ай-ай... Слушай, а почему бы тебе не попроситься на работу в милицию? Или в Интерпол? Тебя отхватят с руками. Международный сертификат у тебя есть, дадут тебе чин майора или даже капитана, по ночам за тобой будут присылать служебную машину... А? Красота... Микеле Плачидо ты мой... Выпьем, что ли?

Они выпили, помолчали, еще налили по одной стопке.

– Мы могли бы с тобой не отвлекаться на ерунду, – еле сдерживаясь, сказал Пит.

– Я все время забываю, Олег, что тебя еще мало били, и что наша история ничему тебя не научила... да и не могла научить... Ты только разозлился. А злость непродуктивна, Пит, я давно тебе это объяснял... Все начинается и кончается человеком, и это гораздо интереснее, чем найти факты незаконной деятельности двадцати пяти фирм или вы-

следить бандитов. Там это тоже, конечно, упирается в людей, но уж слишком примитивны побудительные мотивы их поступков, или преступлений, если хочешь: алчность пещерного советского человека, дорвавшегося до денег... За что они покупаются? Как дикари на африканском берегу – за цветные стеклышки... Пару лет назад я шел по Стремянной, и там в ряд стояли штук двадцать одинаковых «Вольво», вишневых, лакированных, с иголочки, только что прибывших, еще не раздолбанных на нашем асфальте... Вот за эти побрякушки наши мальчишки из различных представительств и продались западным фирмам. Предел мечтаний: сесть за руль собственного «Вольво»... Неужели ты думаешь, что ЭТИ люди в ЭТОЙ стране смогут сделать погоду?

– Но именно эта НЕЧИСТЬ мешает ЭТОЙ стране нормально жить, возразил Пит.

– Мешает, согласен, как любой мусор. Но, видишь ли, я не нанимался в ассенизаторы. И я это тебе объяснял не один раз, верно?

– Верно, – нехотя согласился Пит. – Ты хочешь просто красиво жить, – издевательски добавил он.

– Правильно, – улыбнулся Кир. – Чего и тебе желаю, как, впрочем, и всем остальным. Только я уже знаю, что такое «хорошо жить», а ты еще нет. Пионерская отрывка мешает твоему пищеварению, тебе до сих пор хочется пострадать за общее дело. Это иллюзия, Пит, и боюсь, что она когда-нибудь очень дорого тебе обойдется. Я разрешаю тебе сегодня

похандрить. Но завтра ты поедешь к Булатову, и я тебе обещаю: вся дурь вылетит у тебя из головы. В среде андеграунда были различные люди, но вне этой среды людей такого уровня нет вообще.

Они собрали посуду, столик, унесли все это в дом. Постояли, покурили, глядя в ночное небо.

– А почему ты не поехал в отпуск с Милкой? – как бы невинно поинтересовался Кир.

– Ну, это было бы просто подло по отношению к ней! – совершенно искренне воскликнул Пит.

– Как это?

– А она бы спросила: «Когда мы поженимся, Олег?» И что бы я сказал? Что я не могу, что я люблю другую?.. Это было бы замечательно: жениться на Милке! Она отличная женщина, и была бы чудной матерью, и я... И я не могу!

– Извини, я забыл, – глухо сказал Кир, повернулся и пошел в дом.

Глава 4

Пит поехал к Булатову, чтобы обманывать его, заставляя надеяться на что-то, а на самом деле, попытаться выяснить всего-навсего один вопрос: бил ли он 17 апреля восемьдесят лохматого года Вячеслава Кочина, и если бил, то был ли его удар (или несколько) смертельным?

Может быть, так и спросить: «Это вы убили Кочина?» В этом был момент неожиданности, поскольку Пит по телефону снова представился журналистом, интересующимся филологическими изысканиями Булатова. Впрочем, вопрос об убийстве Кочина ему, бесспорно, задавали, и не один раз. А уж сколько он сам про это думал (если предположить, что он невиновен) ... Короче, после такого вопроса псевдо-журналист Олег Петров мог запросто вылететь из дома Булатова без всякой надежды на следующую встречу. А этого Пит не мог, не имел права допустить.

Первая заповедь журналиста гласит: расположи человека к себе. Пит никогда ей не пользовался. Он оставался, почти демонстративно, по другую сторону от любого человека, про которого собирался писать. Как ни странно, очень часто это оказывалось весьма полезным, но для работы детектива такая позиция была опасна...

Пит прошел вслед за Булатовым в комнату, и они расположились у старенького письменного стола. В квартире ощу-

щалась та же аскеза нищеты, что и в комнате Тани Кочиной.

– Я тут кое-что для вас приготовил, – почти извиняясь, сказал Булатов. Он похлопал ладонью по замусоленной папке с тесемками. – Если вам, конечно, будет интересно.

Пит внимательно его изучал. Невысокий, почти седой, в потертом пиджаке, с большими руками... Глаза спрятаны в глубоких глазницах, взгляд тяжелый... Голос тихий, вежливый... Неприятное впечатление.

– Игорь Владиславович, вы бы рассказали немного о себе, – попросил Пит.

– Да... как о себе? Живу, работаю, кое—что пишу... По образованию я биолог, когда—то работал в одном научном институте и даже, знаете ли, чуть было не защитил кандидатскую диссертацию, – Булатов хохотнул. – Смешно – зачем мне кандидатская диссертация? Потом мне не разрешили заниматься темой, к изучению которой я подошел почти вплотную. Фотосинтез, это было мне наиболее интересно, но мне сказали, что в планы лаборатории тема не вписывается. Не вписывается... Что у нас тогда и куда вписывалось? И я ушел в андеграунд, сотрудничал с самиздатовскими журналами, с «Песочницей», например... Может быть, вы знаете?

– Да, – ответил Пит и поставил на стол диктофон. – Вы не возражаете, если я буду записывать?

– Пожалуйста, пожалуйста, – поспешно согласился Булатов. – Так вам приходилось читать этот журнал?

– Да как вам сказать... – Пит решил объяснить по—простому. – В 1986 году КГБ проводил у нас в редакции семинар на тему самиздата, и редактор потребовал, чтобы журналы были оставлены для ознакомления. Он запер их в свой сейф и выдавал под расписку. Мне удалось туда заглянуть, но, честно говоря, ничего интересного я не обнаружил. Но это лично мое мнение, я знаю людей, которые читали с большим пиететом.

– Вот как? – тихо спросил Булатов. – Значит, вы познакомились с самиздатом через гэбистов...

– А вы – минуя их? – съязвил Пит. – Вы, очевидно, полагали, что это ваша интеллектуальная собственность, но собственность такого рода в нашей стране могла принадлежать только Комитету Государственной Безопасности. Разве это не очевидно?

– Очевидно, – как—то несмело вымолвил Булатов. – Но ведь там были и умные люди. «Клуб-33» был создан понятно, каким способом... Я входил в него. И только благодаря... этим людям... вышел первый «Квадрат»...

Пита раздражала манера диссидентствующих интеллигентов говорить намеками, особенно сейчас, когда это выглядело просто смешно. Да и вся эта история...

– Мне всегда казалось, – возразил он, – что взрослые люди, ушедшие в оппозицию, не могут и не должны идти на такой позорный компромисс, как создание литературного клуба под крылом КГБ.

– Ну, знаете, – протянул Булатов, – все-таки удалось кое-что опубликовать, обозначить определенное явление... На Западе это было принято с пониманием. «Да уж, на Западе, – подумал Пит, – где все на свете либо под крылом ЦРУ, либо под опекой ФБР, этот ваш „Клуб—33“, конечно, был воспринят с пониманием...» И тут он мысленно услышал комментарий Кира: «А по—твоему, было бы лучше, если бы их сгноили в тюрьме или в психушке?»»

Пит выключил диктофон. И снова включил, уже для Кира.

– Итак, вы стали сотрудничать с журналом «Песочница», – напомнил он хозяину.

– Да-да, – согласился Булатов. – Я тогда занимался мифологией... Дело в том, что «солнечный миф» существует, разумеется, в древних метатекстах. Мне же хотелось обнаружить миф, который действует здесь и сейчас, тогда мое открытие можно было бы подтвердить не научными методами, в чем было мне отказано, а совсем другим, но тоже бесспорным способом, опирающимся на законы общекультурного развития...

– Простите, какого открытия? – перебил Пит.

Булатов собрал лоб в поперечные складки, подумал, и как бы решился.

– Будучи биологом, я допустил... Понимаете, природа создала две биолого—энергетические системы, которые хорошо известны, изучены и описаны: ну, на основе переработки каких-то органических соединений, как у животных или лю-

дей... Впрочем, по большому счету, мы и есть животные... Разве нет? Кроме того, природа создала фотосинтез... Все живые существа делятся именно по этому признаку, по признаку потребления и генерации энергии. Растения живут, используя фотосинтез, а мы... Ну, в общем, понятно, да?

– Ну, очень в общем, – прищурился Пит. Ему не хватало в этой жизни только сумасшедшего теоретика.

– Я понял, – тем не менее вдохновился Булатов, – что должен существовать третий, смешанный, или синтетический, способ генерации энергии в живом организме. Представляете, как было бы здорово, если бы нам с вами не надо было есть? Мы бы получали энергию прямо от солнечных лучей. И такая возможность, безусловно, должна существовать! Именно для этих исследований я просил выделить средства в моей лаборатории. Мне отказали...

– Ничего особенно удивительного в этом нет.

Пит перестал слушать. У него мелькнула мысль, что этот человек мог просто свихнуться в лагере. Как, например, Даниил Андреев. Кир считал его «Розу мира» шедевром, но Пит был уверен, что вывести Сталина в образе Сатаны (много чести!) мог только человек, очень сильно ушибленный сталинизмом. Ну, не говоря про мета—Петербург и прот—чее... Разумеется, Пит признавал за Андреевым право на это высокое безумие – там, куда его запихали, могло привидеться и не такое...

Если у Булатова съехала крыша, это объясняет, почему

от него ушла жена. Но не объясняет, почему она захотела провести расследование. А может, она тоже чокнулась? Тогда все в порядке, ей можно сказать, что никто никого не убивал, что Кочин замечательно живет в мета—Петербурге по известному ей адресу, – и получить свои деньги. Или еще проще: когда она приедет (если приедет), объяснить, что за давностью лет работу выполнить невозможно. И не получать никаких денег. Это хотя бы будет честно. И пусть разбираются со своими делами, как хотят: фотосинтез, солнечный миф и что там у него еще.

Пит методично рассматривал комнату. На стене висел плакатик, выполненный от руки. Там на разные лады было нарисовано слово «Быть», но как он ни прищуривал глаз, все не мог разобрать, что же написано на самом верху ватмана.

Булатов проследил за его взглядом.

– Это полная видо-временная парадигма глагола «Быть», тут-то и есть ключ ко всему... Но я это обнаружил потом, проанализировав роман... Сначала—то я его просто проинтерпретировал как «Миф Ореста» – и все совпало совершенно точно. Ведь «Преступление и наказание» – это миф, который работает здесь и сейчас, тот самый миф, который я так долго искал и который подтверждал мою догадку о солнечной энергии. В романе много солнца, правда? На это при беглом чтении как-то не обращаешь внимания, но солнце играет, безусловно, очень важную роль...¹

¹ Имеются в виду работы петербургского семиотика Владислава Кушева: пьеса

– Момент! – Пит помотал головой. – Как это «Преступление и наказание» «работает» здесь и сейчас? Роман ведь некоторым образом написан в прошлом веке, – возмутился Пит. Вообще—то по Достоевскому он в свое время диплом писал – не Бог весть что, но «Преступление и наказание» он читал отнюдь не бегло.

– Ну, это же современный текст, он так или иначе знаком абсолютно каждому человеку, он стал составной, если не основной, частью петербургского метатекста... И мы с вами словно живем в городе, который не зодчими построен, а создан воображением Достоевского. Помните, Федор Михайлович писал, что Петербург – это самый «умышленный» город на свете... Это его выражение... Вот это и есть миф, который работает здесь и сейчас. Что такое Руслан Хасбулатов, как не работающий миф Пушкина? Поэтический вымысел, проросший сквозь народное сознание в политическую жизнь России... А у Достоевского... Эти семьсот тридцать шагов... Их же пройти можно...

– Семьсот тридцать шагов? – Пит попытался за нагромождением слов хватить что—то знакомое и понятное.

– Да, от дома Раскольниковова до дома процентщицы, через церковь... Семьсот тридцать шагов. Ну, весь этот его крестный путь, – глухо засмеялся Булатов. – Я сделал анализ этого текста в виде пьесы. Очень интересно, знаете, получилось... Один театр-студия даже собрался ставить, только тут нача-

лась демократизация – и все кончилось, – Булатов снова засмеялся. Смех был благодушным, словно человек никогда ни на кого в этой жизни не сердился.

– Вы написали пьесу? – заинтересовался Пит.

– Да, – Булатов пожал плечами.

– Когда?

– Когда? Четыре года назад...

Пит быстро прикинул: случилось все это в начале восьмидесятых, потом Булатова осудили, сидел он семь лет (был почему-то амнистирован), значит, пьесу она написал сразу после выхода из лагеря, а это значит, что он в лагере писал, делал наброски, работал. И жена была еще с ним, ждала успеха пьесы, видимо...

– Может быть, мы пойдем чаю выпьем? – предложил хозяин. – Я тут в ожидании вас свежий чай заварил.

Пит прихватил диктофон, и они перешли в почти пустую, но идеально чистую кухню. На железной этажерке стояли две кастрюли и одна сковородка. На плите – старый покореженный алюминиевый чайник, на маленьком столике – чайник заварной, накрытый чистым полотенцем.

– Я не курю, – извинился хозяин, – а вы курите, пожалуйста, – он извлек откуда-то синюю керамическую пепельницу.

Пит сел, закурил.

– На что же вы живете?

– Ах, это... – улыбнулся Булатов. – Вообще-то я живу скромно, потребности мои невелики, я работаю в одном из

дательстве... консультантом... мне хватает... А так я в основном – здесь, за письменным столом. Мне очень много надо сделать... Хватило бы только времени.

– Я никогда не видел керамики такого яркого синего цвета, – внезапно сказал Пит.

– О, это вещь очень старинная, голландская, – ответил Булатов, разливая чай. – Я владею ей в четвертом поколении. Удивительно, что она не потерялась, не разбилась, пережила все лихолетья... Да, я согласен с вами: она очень красивая.

Пит включил диктофон.

– Итак, «Преступление и наказание», миф Ореста, – напомнил он.

– А о чем вы собираетесь писать? – В свою очередь, задал вопрос Булатов.

– Понятия не имею, – легко отозвался Пит. – Честно скажу: пока мне интересно только то, что у вас нет материальных претензий к этой жизни. У всех остальных они, по-моему, есть. То, что я о вас слышал, так не похоже на все остальное... Мне просто захотелось с вами встретиться. А то, что вы рассказываете... Я ощущаю себя просто идиотом, словно вы говорите на другом языке. Впрочем, об этом я тоже слышал: что вы, разговаривая по-русски, говорите, словно на другом языке.

– Что же вы обо мне слышали? – улыбнулся Булатов. – И от кого?

– Я слышал разное, – достаточно веско обронил Пит.

– Понятно... понятно... Значит, вы знаете?

– Знаю.

– Ну, и как же тогда быть? Ведь, по-моему, про это и сейчас писать нельзя. Ну, что я в тюрьме сидел.

– А почему вы решили, что я непременно буду о вас писать? – усмехнулся Пит.

– Как же, вы – журналист...

– Журналисты не только пишут, они еще исследуют жизнь. Считайте, что именно этим я сейчас и занимаюсь.

– Ну да... ну да... – как бы согласился Булатов. – Мне рассказывать? – он постучал пальцем по диктофону.

Пит кивнул и закурил.

– Вам действительно интересно? – настаивал Булатов.

– Если бы мне были неинтересно, я бы встал и ушел, – честно признался Пит.

– Согласен, – после раздумья сказал Булатов. – Конечно, мне бы хотелось заинтересовать кого—то своими идеями, но, как правило, человек в течение своей жизни не успевает сделать и то, и другое. Я работаю с большим опережением, я это чувствую... Понимаете, убийство – это всегда раскол сознания. Вот почему у Достоевского – Раскольников. Всегда считалось, что фамилию своего главного героя Федор Михайлович позаимствовал у русских раскольников, что здесь дело в религии. Нет, Раскольников, убивший процентщицу, продемонстрировал свой комплекс Ореста – он убил женскую половину своего сознания. Ну, вы знаете, что

две половины мозга заведуют одна мужским, логическим, а другая женским, то есть образным мышлением. Результат мышления должен быть синтетическим, но в течение уже нескольких тысячелетий человечество идет по пути анализа, что генерируется грамматическим строем западных аналитических языков. И только наша, русская грамматика генерирует синтетическое мышление... Наука с термоядерной реакцией расщепления атома... Разве это не убийство?!

Теперь Пит слушал внимательно. Он понимал, что это важно, может быть, гораздо важнее того, что они с Кирилловым собирались сделать ради этого человека.

– Атомная бомба, – продолжал Булатов, – это просто попытка суицида, полного уничтожения человечества как коллективного сознания. В основу технократической цивилизации положен анализ, а не синтез. Анализ ведет к расколу сознания, то есть к одной из форм убийства... Вот почему у людей такая тяга к убийствам и страсть к чтению детективной литературы – логика не выдерживает, она требует от чего—то отказаться, какой—то кусок смыслов уничтожить. Детектив – наиболее чистое зеркало типичных процессов, происходящих в человеческом сознании, и человечество, как порочная женщина, изо дня в день любит себя на свои язвы, потому что не в силах достичь гармонии, синтеза, нормального соотношения между двумя половинами мозга...

Пит слушал, уставившись невидящими глазами в окно.

Он увидел, как по мягкому ковру гостиной в Особняке ходит Кир, заложив руки за спину. В печке горит огонь. Вот Кир подошел к музыкальному центру, поставил пластинку – зазвучал медленный светлый Бах. Кир повернулся – и прямо перед ним в кресле, в такой же, как у него, вишневой велюровой куртке, оказался Булатов. Он что-то рассказывал, Кир, увлеченно слушая, кивал его словам. Между ними на столике – коньяк в старинных тяжелых рюмках. Пит опять словно видел кусок фильма. Не податься ли тебе в кинематограф, Олег Сергеевич?

Да, наверное, Кир прав... По-своему, разумеется. Пит не пытался отгадать масштаб личности Булатова, но ради того, чтобы познакомиться с ним, услышать его бредовые теории, и стоило, наверное, браться за расследование.

Раскол сознания! Теперь оставалось решить, произошел ли такой раскол в сознании самого Булатова...

Нет, он не сумасшедший. Даже если его версия недостоверна и не может быть подтверждена никакими научными данными, все равно она настолько оригинальна, самобытна и всеобъемлюща, что Кир будет просто в восторге. Великий аналитик Кириллов и философ, ратующий за синтез как основной способ мышления – на это стоило, как минимум, посмотреть.

Может быть, если они, наконец, встретятся, Мессир и Мастер, Кир отпустит его, Олега? Ведь ему уже будет, с кем коротать зимние вечера...

В той гостиной, которую представил себе Пит, Кир и Булатов усмехнулись, даже не повернувшись в его сторону. Означает ли это, что он свободен?

Пит вернулся к реальности. Перед ним молча сидел Булатов и чуть-чуть улыбался.

– Вы думаете о чем-то другом? – спросил он.

– Я задам вам провокационный вопрос, – сказал Пит.

– Да-да, – воодушевился Булатов.

– Не считаете ли вы, что это у вас произошел раскол сознания, который вы теперь со всей мощью своего недюжего интеллекта пытаетесь... анатомировать?

– Анатомировать, – Булатов негромко рассмеялся. – Вы ощутили наличие анализа в моей теории... Это естественно, ведь анализ и есть инструмент синтеза, одно без другого не существует... Хотя нет, существует, только в другой форме – в форме веры, любви, творчества... Вы думаете, что это я убил Кочубея?

– Да, как быть с убийством?

– Ну как... Пересмотра дела не было, добиваться я этого не буду, теперь мне уже ни к чему...

– Это не вы его убили?

– Нет.

– А кто?

– Я очень много об этом думал, поверьте... – сказал он, помолчав. – Ведь если не я, значит, кто-то из тех людей... из нас... вышел потом, когда я вернулся в мастерскую,

на лестницу, сделал это, а потом... в суде давал показания, что мы со Славой выясняли там свои отношения... А почему вас это интересует? Вы и об этом хотите написать? Только не подумайте изображать меня какой-нибудь жертвой... режима. Это сейчас становится модно, но это не так.

– Я уже сказал: я еще ничего не решил. Но если я буду писать, я сам должен быть уверен, что вы... не убийца. Мы тут с вами так интеллектуально беседуем...

– Да, конечно! – прервал его Булатов. – Убил, а потом придумал психологическую задачку про раскол сознания. Красиво! – расхохотался он. – Но, честно говоря, я не верю, что вам вообще удастся про это написать, где—то опубликовать свой рассказ. Не тем сегодня заняты газеты, не тем интересуются люди... Хотя для любого семиотика здесь все очень понятно.

– Простите, как?

– Семиотика – наука о знаковых системах. В нашем городе была и остается довольно сильная семиотическая школа. Вам не приходилось читать Лотмана?

– Нет, не приходилось, хотя имя, конечно, известное. Давайте на этом пока остановимся. Я с удовольствием послушаю вас еще, познакомлю вас с моим другом, который, как я понимаю, будет просто счастлив... Значит, договоримся так: я вам ничего не обещаю. Дело не в газетах и их профиле. Я пока сам не понял, моя ли это тема.

– Вы знаете, – улыбнулся Булатов, – Золотой век наступит

очень скоро.

– Когда же?

– Лет через семь-девять, как только мне удастся завершить языковое описание научной картины мира.

– Ловлю вас на слове, – ответно улыбнулся Пит. – Встретимся через девять лет. А теперь я бы хотел посмотреть вашу пьесу. Если вы не возражаете, я покажу ее своему другу. Он большой любитель подобных экзерсисов.

Булатов вернулся в комнату и вынес Питу папку. Потом он закрыл за ним дверь.

Глава 5

На следующее утро Пит приехал в контору «КП». Приехал для порядка. Обычно по утрам здесь появлялась Мила, и если что-то происходило, она звонила в Особняк. Но Мила прохлаждалась в тропиках, и следовало хотя бы иногда проверять информационные системы, а также рулевое колесо.

Никаких новых сообщений не было, факс молчал, как убитый. «А если бы не звонок из Вашингтона? – мелькнуло в голове Пита. – Что бы мы сейчас делали? Август, мертвый сезон...»

Информация, идущая по компьютерным сетям, поступала и в Особняк, ее анализировал Кир. Самое простое (но и самое сложное), что могло произойти в конторе – это телефонный звонок. Этот номер телефона был занесен в телефонные справочники в раздел «Агентства информационной безопасности». Кроме того, он курсировал в коммерческих кругах. Кир года два назад запустил довольно сложную схему информационной дезы, в которой фигурировал номер телефона конторы. И она срабатывала, как это принято в России, с точностью до наоборот: люди начинали верить в магическую силу телефона, который «могу дать вам только под большим секретом». Так что клиенты сначала звонили. Но для того, чтобы услышать этот телефонный звонок, нужно сидеть и ждать. Или не ждать, что еще лучше, – просто

сидеть и делать вид, что тебе тут хорошо. А почему бы тут и не должно быть хорошо?

Пит ополоснул кофеварку, засыпал кофе, включил прибор в сеть, нажал кнопку обогревателя – в полуподвальном помещении даже летом было сыро, а значит холодно и неудобно. После чего он устроился в кресле с книжечкой, но сначала еще раз бдительным оком оглядел контору.

Стол с компьютером и факсом, за которым обычно сидела Мила, высокопрофессиональный системщик, был пуст. Два стола напротив – тоже. А вот середина помещения с электрокамином, журнальным столиком, телефоном и двумя креслами, самое уютное место офиса, занимал Пит вместе со своими длинными ногами. Здесь и была сосредоточена жизнь детективного агентства. Столы – не в счет, компьютер – тоже, он жил совершенно самостоятельно, независимо от самих хозяев.

Пит никак не мог осилить первую страницу, потому что все время возвращался к сегодняшнему утру. Он, разумеется, предполагал, что теории и тексты Булатова заинтересуют Кира. Но ему в голову не могло прийти, что шеф после прослушивания диктофона просто выпадет из времени и пространства. Пит мог допустить азартный интерес Кира, его доброжелательное и все же снисходительное отношение к новой информации, но полное погружение в нее?.. Уже засыпая, Пит все слышал снизу, из гостиной бубнящий голос Булатова. Кир прослушивал кассету пятый или шестой раз.

Наизусть выучивал?..

Утром Пит обнаружил шефа все в том же положении. Кир сидел на полу, обложившись книгами, картами, планами старого Петербурга. По всему ковру были разбросаны гравюры Садовникова, большие иллюстрации Добужинского к «Преступлению и наказанию». Это была мизансцена! Типа «Гений в порыве творчества». Кир умел красиво обставлять свои душевные порывы, поэтому Питу всегда казалось, что наибольших результатов Кир сумел бы добиться на поприще постановки театрализованных зрелищ. Правда, режиссер обязан мыслить художественными образами, а мышление Кира было строго аналитическим, даже хирургическим.

Кир поднял голову, встал на ноги, с хрустом потянулся.

– Я бы не отказался от кофе, – подумал он вслух. – Иди ныряй в свои ледяные проруби, я сейчас все приготовлю.

Пит вернулся после купания к столу с дымящейся яичницей. Кроме этого банального блюда, стол украшали помидоры, лук, розовое сало из морозилки. Белый фаянсовый кофейник завершал натюрморт.

– Коньяк? – поинтересовался Кир.

Пит помотал головой.

– А я выпью, – разрешил себе Кир и налил коньяку в старинную толстую рюмку.

Он выпил и с аппетитом набросился на еду. Употребив все, что было на столе, Кир отхлебнул кофе и сообщил:

– Ради таких ночей, очевидно, и стоит жить на белом све-

те.

– Я знал, что тебе понравится, – улыбнулся Пит. – Ты у нас великий аналитик, попробуй теперь привыкнуть к мысли, что синтетическое мышления – ступень, как я понял, более высокая. Мне показалось, это некая недосыгаемая вершина разума.

– Не разума, – поправил Кир, – а сознания... Ты знаешь, я всю жизнь страдал от того, что оказывался умнее всех.

– Я помню, – сказал Пит. – Ты сидел в редакции совершенно пьяный и плакал: «Я умнее их всех...»

– Правильно! – одобрил Кир воспоминание. – Но даже сказать об этом было нельзя – никто не поймет. Некому... Разве вот тебе, но тебя не интересуют преимущества чужого интеллекта...

– Не интересуют, – кивнул Пит – Меня не интересуют преимущества или недостатки даже своего собственного интеллекта. Не дурак – и на том спасибо.

– Цену своим мозгам я, конечно, знаю, – удовлетворенно сообщил Кир, – поэтому отдаю себе отчет, что мой ум уникален всего в трех-четыре параметрах. А их – бесчисленное множество... Да, мы с тобой нашли уникальный разум. То, что Булатов сделал очевидным... Туда просто никто не смотрел, потому что никто не ищет пятый угол в квадратной комнате. Ты знаешь, что он сделал в своей пьесе? Он вывел на чистую воду Федора Михалыча, – Кир блаженно рассмехался. – И надо же, в какую ловушку угодил сам! Впрочем,

он просто оказался верен своей собственной теории синтеза: «Все то, что случится, случиться должно...» У Булатова есть один недостаток... нет, недочет – он раб своей собственной идеи. Вот почему я предпочитаю быть отстраненным от любой идеологии. Русский человек, которому в голову пришла идея, – это...

– Ленин, – сказал Пит.

– Правильно, – удивленный точностью ответа, повернулся к нему Кир. – Известно, куда ведет дорога, вымощенная благими идеями. Булатова она привела в тюрьму. Спрашивается: на какого черта нужны идеи? Отвечаю: скучно жить на этом свете господ... «Если бы нынче свой путь совершить наше солнце забыло, завтра целый бы мир озарила мысль безумца какого-нибудь!» – процитировал он со вкусом одного из своих любимцев, Беранже.

– Ты считаешь, что Булатов не убивал?

Кир налил себе третью чашку кофе, закурил, подумал.

– А вот не знаю, – казалось, Кир был поражен. – Все это не более, чем интересно. Никаких доказательств нет.

– Но ты же говорил, что тебе будет достаточно моего слова: убивал Булатов или нет.

– И что ты думаешь? – заинтересовался Кир.

– Нет, – совершенно спокойно ответил Пит. – Булатов никого не убивал. Как сказала Татьяна Кочина, цитирую: «Булатов? Ногами? Кочубея?!» Вопрос, восклик, кавычки закрыты. Конец цитаты. Для этого необходимо, чтобы твоей

движущей силой, хотя бы в отдельные моменты жизни, была ненависть. Булатов не умеет ненавидеть так же органически, как ты, например, не умеешь врать. Это врожденное, этому нельзя научиться. Это можно рассматривать как дефект или, наоборот, как Божий дар... Чем-то наш Булатов напоминает блаженного...

– Не умеет ненавидеть... Аргумент. Я этого не знал. Но не доказательство.

– А ты, значит, собираешься найти и представить его бывшей жене доказательства? – теперь был поражен Пит.

– Нет, не его жене. Я хочу представить доказательства Игорю Булатову в том, что он, Игорь Булатов, никого не убивал.

– Значит, тебе тоже показалось, что он сомневается сам в себе?

– Видимо... Иногда... С тобой я не согласен, он не свой раскол сознания анатомирует, как ты изволил выразиться. Но он был пьян и не контролировал свое подсознание. Сознательно он убить Кочина не мог, это точно. Но подсознательно? Вот в чем вопрос вопросов. Он сам этого не знает и никто этого не знает, кроме... убийцы. И если убийца все-таки Булатов, возможно, он уже испил свою чашу... Ночью я понял очень простую вещь: даже вместе с тобой мы не сможем заменить Федора Михалыча. К сожалению. Мы не напишем роман, который превратится в основополагающий миф человечества. Ты едешь в город? Я с тобой! Я хочу пройти

эти семьсот тридцать шагов.

– Зачем?

– Я живу в этом городе сорок семь лет, и мне ни разу не пришла в голову простая мысль пройти ножками этот путь. Ни разу... Я хочу! Желания не поддаются логическому объяснению. Хочу! Хочу луну с неба... Хочу пройти этот путь. Кстати, приглашаю тебя быть моим спутником. Отказываешься?

– Я поеду в контору. Не могу чувствовать себя таким свободным... от всего...

– Заводи тачку, я буду готов через пять минут.

Пит высадил шефа на Сенной площади и поехал в контору. Теперь, в ожидании кофе, он углубился в очередную книжечку Ирвина Шоу. Первая страница, в конце концов, проскочила, а дальше пошло, как по маслу.

Он читал с наслаждением, с которым каждый человек кайфует над любимой книгой, будучи совершенно один. Потом он отложил книжку, налил себе кофе, закурил.

В комнате стало тепло, и Пит вспомнил, что жизнь хороша именно такими пустяками. Радоваться этому его научил Кир, большой любитель жизненных благ, которых у него почти никогда не было. Но он умел их создавать: крахмалил скатерти, сервировал столы, расставлял цветы в вазах. Он сам сделал в своей квартире кухню и стеллаж для книг во всю стену. А когда был получен первый гонорар в валюте, Кир позволил себе купить долгожданную домашнюю мягкую

куртку с атласными отворотами на широких рукавах. Работать в ней было сложно, а вот сидеть вечером в гостиной перед печкой – в самый раз.

Пит поудобнее устроился в кресле, вытянул ноги, которые никуда почему—то не помещались, и снова стал читать. Конечно, он чувствовал себя не совсем в своей тарелке – еще вчера он обещал позвонить человеку, приславшему запрос по факсу, и считал себя обязанным предпринять какие—то шаги в этом направлении, но Кир утром приказал ничего не сообщать клиенту, даже если он позвонит.

Кир в это время шел по набережной Екатерининского канала, считая про себя шаги. Он остановился на том месте, где когда-то была Вознесенская церковь, закурил, посмотрел вдоль канала, на изгибы и повороты набережной, которой не было в те далекие времена (не случайно Федор Михайлович называл эту речку «канавой») и пошел дальше. Постоял во дворе дома Раскольниковова, без труда «вычислил» окна дворницкой, откуда Родион Романыч взял топор, поднял голову к окнам шестого этажа, вошел в подъезд, стал подниматься, но его спугнула шумная веселая компания совершенно нынешнего пошиба, так не вязавшаяся с тем миром, в котором вот уже сутки пребывал Кир.

Он вышел на улицу и направился по Садовой в сторону Никольского собора – и там, на одном из перекрестков вдруг увидел вывеску: «МармеладовЪ». Он постоял, не веря собственным глазам, а потом, посмеиваясь, толкнул дверь. Над

ней звякнул тусклый колокольчик...

Пит еще раз оглянулся по сторонам. Ничего не менялось. Никто не звонил, и ему вдруг стало не по себе: он просто физически чувствовал, как утекает время. В никуда.

Он встал, сделал взад и вперед три возможных здесь шага, потянулся. Навыки, полученные в американской школе детективов, требовали постоянно поддерживать «боевую форму». Долгое бездействие превращало Пита в неврастеника. Великую науку детективов всего мира – терпение – он усваивал хуже всего.

Мама, живущая теперь с отчимом в Лос-Анджелесе, очень гордилась своим сыном. Ей казалось, что он придумал себе замечательную игру, которая очень подходит ее длинноногому стремительному сыну. Тем более, что мама могла себе позволить оплачивать эту игру, как в детстве оплачивала уроки конного спорта и фехтования. Впрочем, наверное, оплачивал отец, пока был жив...

Вот на какое расследование подвигнуть бы Кира! Но Кир не знал этой истории, случившейся девятнадцать лет назад. Он знал только, что когда Пит учился в шестом классе, его отец умер, а мама, спустя пять лет, снова вышла замуж, и муж увез ее в Америку, когда Пит, вернувшись из армии, поступил в Университет. Кир даже провожал их в аэропорту, потому что уже правил первые заметки Пита, взяв его под свое крыло.

Мама, конечно, не стала голливудской звездой, улыбнулся

про себя Пит. Хотя здесь и в театре и в кино подавала большие надежды. До тридцати пяти лет все «надежды подавала». Там она стала кинопродюсером – ни больше, ни меньше! Отчим сумел выйти только на уровень агента, он занимался сценариями и актерами. Впрочем, они работали с матерью в одной связке и получали довольно приличные доходы. Мать, по традиции всех советских женщин, не делила их на доходы свои и своего мужа. Единственное, что она сделала отдельно от него – открыла счет на имя Пита, куда иногда подбрасывала деньжонок.

Со счета капало. По меркам здешней жизни, Пит был достаточно состоятельным человеком. Но он никогда не трогал основной «капитал» – только небольшие годовые проценты, которые мать либо привозила сама, либо пересылала со знакомыми. На эти процентки и был куплен Особняк, компьютеры и все остальное. Киру, кроме своего интеллекта, внести в «уставный капитал» фирмы было нечего, и Пит знал, что в глубине души этот факт уязвляет великого аналитика. В Штатах и в любой другой цивилизованной стране мира Кир был бы очень богатым человеком, и платили бы ему именно за способность мыслить. А здесь, в родном Отечестве... Впрочем, Пит считал, что шеф трижды отработал те средства, которые Пит вложил в их совместное предприятие единолично. Без него Пит в лучшем случае издал бы на эти деньги пару своих книг, если бы сумел их написать.

До того, как они с Киrom зарегистрировали и открыли од-

но из первых в городе частных детективных агентств (Пит скривился при этих воспоминаниях, как от зубной боли), он очень любил читать детективы. Он и раньше их почитывал, отдавая предпочтение меланхоличному Богомилу Райнову, но когда детективы хлынули лавиной, он просто вошел в этот неожиданный и довольно вонючий поток массовой литературы. На первых порах безграмотно переведенные книжки спасали от отчаяния. Потом из потока вычленились несколько имен, занявших почетное место на книжных полках Особняка. Эрл Гарднер, Дик Френсис, Рекс Стаут...

С Ниро Вульфом его познакомил Кир, продемонстрировав младшему коллеге игровую несерьезность этого образа и образа жизни всех персонажей Стаута.

– Мы ценим русскую классическую литературу за ее философичность, глубину и так далее, – сформулировал Кир. – Но ее чудовищная серьезность просто удручает! Такое впечатление, что на Руси у всех начисто поотшибало чувство юмора. Стаут очень убедительно доказал, что к убийству, а тем паче к расследованию, то есть попросту к самой жизни всерьез относиться негоже. Негоже, Олег Сергеевич, из работы, а тем более из убийства, из любого преступления делать культ...

Когда обосновывались в Особняке, Кир все сокрушался, что при всех неоспоримых достоинствах этого старого здания ему далеко до дома Вульфа на Тридцать Пятой Западной улице с оранжереей на крыше, где выращиваются дико-

винные орхидеи. Эту мысль Кир обдумывал несколько дней.

– Разумеется, найдутся горячие головы, которые отождествят нас с тобой с Вульфом и Гудвиным, – рассуждал он, – поэтому чем более осознанно мы сами постараемся это сходство увеличить, тем будет абсурднее, а значит – лучше. Но беда в том, что я не отличу орхидею от анютиных глазок. Я знаю только, как выглядят розы и пионы. . .

Это были любимые цветы Ирины, и разговор как-то незаметно стух. Больше об орхидеях не вспоминали. К слову сказать, Пит никогда не понимал благоговения, которое люди испытывали перед этими цветами. Можно было ценить только дикие орхидеи – за недоступность. А выращенные в тепличных условиях восковые, почти что неживые веточки, да еще помещенные в прозрачные пластиковые цилиндры, удручали и Питу и Кира своей холодностью. Так что занятия по флористике им не грозили.

Правда, два года назад Кир умудрился вырастить тридцать семь кочанов капусты. . . Но это только увело их с Питом в сторону от литературных первоисточников, несмотря на очевидный парафраз с теплицами Ниро Вульфа. Возникли проблемы доставки и зашпаривания бочек, шинковки кочанов, покупки специального сорта клюквы. . . Вся эпопея происходила на холодной веранде, и картина, которую Питу приходилось наблюдать, напоминала ему почему-то столярную мастерскую с ворохом желтых стружек. Он с содроганием вспомнил, что Кир собирается начать эту эпопею

прямо на днях. Хоть бы Милку дожидаться! Тогда Пит мог бы улизнуть из Особняка, не выдумывая специальных предлогов.

Когда началась активная деятельность детективного агентства «Кириллов & Петров», Пит вообще перестал читать детективы. Почему-то интерес к этому виду книжной макулатуры разом иссяк. Впрочем, Олег был этому только рад. Он вернулся к нормальной литературе, которая потрясла его в детстве и не отпускала всю юность.

Кир и раньше и теперь предпочитал хорошую фантастику, был некоторое время знаком со Стругацкими, хорошо ориентировался в сложном пространстве выдуманного ими мира и часто ссылался на Странников, Рэдрика Шухарта или Максима Кемеррера. Но и нынешнюю фантастику, тоже обрушившуюся на книжные прилавки в неограниченном количестве, Кир жаловал. Особенно жанр «фэнтези», где все было легко и не так мрачно, как в старом социальном «фэкшене». Пит даже запомнил одно имя из последних открытий Кира: Урсула Ле Гуин. Про что она писала, ему было неизвестно, но имя звучало красиво.

Сейчас Пит читал Ирвина Шоу. Пару недель назад он купил целое «собрание сочинений», состоящее из десяти книжек в мягких обложках, и теперь читал по очереди каждый том, медленно смакую поразительный язык и сложные психологические ходы. Больше всего его радовала изящная простота, с которой...

Телефон зазвонил так неожиданно, что Пита взяла оторопь. Хотя они с Киром договорились, что когда тот отшагает свои семь сотен шагов, он позвонит сюда или приедет в пять часов. Не выпуская книгу из левой руки, Пит дотянулся до телефона и снял трубку.

– «КП» слушает, – бросил он привычную фразу.

– Это частное детективное агентство? – кокетливо поинтересовался женский голос.

– Что-то вроде этого, – скучно отозвался Пит.

На том конце провода помолчали, а потом вполне нормальный голос задал прямой вопрос:

– Это Кириллов или Петров?

– Что вам угодно? – попытался увильнуть Пит.

– Мне бы хотелось знать, с кем я разговариваю.

– Мне бы это тоже было интересно, – улыбнулся Пит.

– А давайте тогда встретимся! – вдруг предложила она. – Это касается Кочубея... Я жду вас через пятнадцать минут на ступенях Михайловского замка. Успеете?

– Я постараюсь. А как я вас узнаю?

– Узнаете, никуда не денетесь! – быстро хихикнула она и бросила трубку.

«Как в кино!» – недовольно подумал Пит. Но ведь и не пойти было нельзя. Он с грустью оглядел помещение, которое жаль было покидать, положил закладку в книгу, написал Киру записку, вышел и захлопнул дверь. Обогнув собственную машину, он пошел к Летнему саду пешком. При

всех раскладах это получалось быстрее.

Глава 6

На ступенях Михайловского замка стояла единственная девушка с тяжелыми светлыми волосами.

– Как в кино, – сказал Пит, подходя к ней.

– Меня зовут Лена, – сказала она сразу. – Значит, вы Петров, а не Кириллов.

– Пит, с вашего разрешения.

Он вспомнил слова Тани Кочиной: «Славка если в кого влюбится, можно клеймо ставить: золотая...» Вот и характеристика, и гадать на кофейной гуще не надо, кто перед тобой. Пит всегда испытывал слабость к ясным серо-голубым глазам, обведенным темными ресницами. Такие глаза были у его мамы, и уж тут поделаться было ничего нельзя – видимо, очень долго он смотрел в эти глаза, когда был ребенком.

– Пит, – скривилась Лена. – Почему это, интересно, надо называть себя на западный лад? Вы еще скажите, что Кириллов – это Кир.

– Да, Кир, – подтвердил Пит. – Так сложилось исторически. Он много лет был Киром по причине не столько фамилии, сколько пристрастия к алкоголю. А я, став его учеником, по аналогии получил прозвище Пит, которым сильно горжусь. Так что извините великодушно, но он – Кир, а я – Пит, сокращенно «КП».

– Ладно, не оправдываетесь.

– Я никогда не оправдываюсь, я пытаюсь объяснить то, что может быть непонятным для людей непосвященных, но мне симпатичных.

– Итак, вы вернулись к убийству Кочубея...

Лена внимательно посмотрела в глаза Питу. Он, естественно, спокойно выдержал ее взгляд.

– Откуда вы это взяли? – сурово спросил Пит.

– Да уж взяла! У меня к вам, собственно, один вопрос: кто предложил вам это дело?

Пит усмехнулся.

– Танька?.. – стала рассуждать Лена. – Нет, она не может вам заплатить. Хотя, возможно, с нее вы бы не взяли денег... Про вас говорят, что вы можете работать бесплатно, это правда? Ну, кто, скажите?!

Пит пожал плечами.

– А почему вас так волнует именно этот вопрос?

– Да потому что вашим клиентом... или как это называется?.. должна была быть я! Только я могла додуматься до того, что надо провести новое расследование, но я не додумалась. Вот я и спрашиваю, кто же оказался сообразительнее меня? Значит, кому-то это нужно больше, чем мне? А этого быть не может! Неужели... Господи, какая я дура! Светка! Ну, конечно же. Светка. У нее ведь теперь и деньги есть... Не за этим ли она и замуж в Америку уехала? – Лена словно вообще забыла о существовании Пита, даже отвернулась от него, напряженно вглядываясь куда-то вдаль.

Пит сел на ступеньки и закурил. Версия о том, что жена Булатова вышла замуж, чтобы «заработать» деньги на оправдание мужа, его поразила. Может быть, она даже поссорилась ради этого со своим «гением»... Но додумать эти мысли ему не дали. Лена быстро повернулась к нему.

– А для меня у вас найдется сигарета?

– Найдется.

Лена тоже села и закурила.

– Значит, вы не верите, что Кочина убил Булатов? – спросил Пит.

– Это абсурд! Меня спрашивали об этом на следствии и на суде двадцать пять раз, и двадцать пять раз я сказала, что это абсурд. А они его в тюрьму посадили!

– Факты против вас. И против нас тоже. Булатов был осужден за убийство и отсидел свой срок. Правда, очень небольшой...

– Его освободили по первой горбачевской амнистии. Вы знаете, что он в лагере ни с кем не ссорился, ни с кем не дрался? Его там никто не мучил, ни в какие «табели о рангах» зоны он не вписался... Сам по себе! Даже там это поняли и оценили. Впрочем, где это и может быть оценено, как не там...

– Мне он этого не говорил.

– Ага! Значит, вы его видели. И что скажете: мог Булатов убить или нет?

– Тут возможны различные точки зрения...

– Нет, нет! Лично ваша точка зрения.

– Я ее вчера высказал Киру, – неохотно признался Пит. – Я считаю, что Булатов убить не мог. В его характере вообще отсутствует ненависть...

– Правильно! Ой, вы мне нравитесь, – Лена схватила Пита за руку и чмокнула в щеку.

– Спасибо, – почему-то не обрадовался Пит, – но Кир считает, что это не доказательство.

– А зачем ему доказательства? Фактические, вот как в этом... в уголовном деле бывают?

Пит кивнул.

– Но зачем?

– Кир считает необходимым предъявить доказательства невиновности самому Игорю Владиславовичу Булатову...

Лена отшатнулась, перевела взгляд на Летний сад и посидела молча минут пять, пока не кончилась сигарета.

– Интересный человек Кириллов... Я много о нем слышала... Вообще... это было бы здорово, если, конечно, удастся... Мне-то казалось, что достаточно объективного, незаинтересованного взгляда со стороны, именно по прошествии долгих уже лет, чтобы все встало на свои места...

– Откуда вы знаете, как он жил в лагере? – спросил Пит.

– Ездили мы к нему со Светкой...

– Ну вы даете!

Лена посмотрела на него непонимающе.

– То вы Таню Кочину опекаете, то Свету Булатову... Вы мазохистка?

– Ничего вы не понимаете, – Лена улыбнулась чему-то своему, покачала головой.

Она начала рассказывать, а Питу показалось, что снова поползла старая пленка фильма, который два дня назад начал для него показывать Кир.

Где-то далеко-далеко, на краю света тянулась кирпичная стена, возле нее шевелились две почти неприметные человеческие фигурки. Но вот в стене открылась какая-то щель – и фигурки проскользнули внутрь.

Лена и Света сидели в комнате свиданий и ждали Булатова. Молча, не глядя друг на друга. На столе лежали гостинцы, в том числе и сигареты, но они боялись закурить.

Открылась дверь – и конвойный пропустил в комнату Булатова в арестантской одежде. Женщины встали, он шагнул к ним и обнял обеих.

– Молодцы, что приехали, – сказал он спокойно.

Отстранился от них и сел. И тогда стало видно, что у него совершенно спокойное, даже довольное лицо. Он улыбался.

– Вот, – заторопилась Света. – Честно говоря, не знали, что везти. Вот сигареты... три блока...

– А я курить бросил, – доброжелательно сообщил Булатов.

– Хорошо, другим пригодятся, обменяешь на что-нибудь, витамины... конфеты... карамель, да?.. апельсины... – она понизила голос. – А водку можно? Мы четыре бутылки привезли.

Булатов негромко, но весело рассмеялся.

– Светка подожди! – остановила ее Лена. – Ну что ты с этой жратвой, в самом деле! Видишь, харю тут отъел, поперек себя шире...

Булатов снова засмеялся.

Света села, закурила. И чуть не заплакала.

– Хорош! – приказала Лена. – Ну, рассказывай, Булат. Не для того мы за тысячу верст перлись, чтобы на твои ухмылочки смотреть.

– Ну что рассказывать? Тружусь... по мере сил...

– Нам уже сообщили, что ты отличник боевой и политической подготовки, – перебила Лена.

– У меня есть время думать, читать... я даже кое-что пишу...

– То есть... – попыталась сказать Света.

– То есть голову пеплом ты себе не посыпаешь? – сформулировала Лена.

Булатов развел руками.

– Ну не может он так врать! – повернулась Света к Лене.

– Булат, ты почему на себя это взял? – взвилась Лена.

– Ну, ты же сказала... И потом, я не взял... Когда меня спросили, признаю ли я себе виновным в непредумышленном убийстве, я ответил, что мне нечего сказать по данному вопросу.

– А это, по-твоему, не признание вины? – поразились Света.

– Нет, – твердо сказал Булатов. – Я действительно, даже

сейчас ничего не могу сказать об убийстве. Мы не знаем, что происходит в нашем подсознании, тем более если перестаем его контролировать...

– Ах, для тебя оправдываться – ниже собственного достоинства, – возмутилась Света, – раз уж и Ленка, и сам Кочубей думали, что ты виноват...

– Я ничего такого не думала... – тихо сказала Лена. – Я просто вообще – не думала! Как можно было там думать?

– Давайте мы не будем об этом говорить. Славы нет. Я... за это наказан... Почему бы нет?..

Кадры кончились. Пит сидел на каменных разбитых ступенях старого замка и чувствовал, что ему очень хорошо. Он уже любил эту Лену, потому что не было на свете такого мужчины, который бы просто прошел мимо, не заметив, не восхитившись, не сделав чего—нибудь стоящего для этого неземного и в то же время такого житейски мудрого существа. Теперь Пит начинал понимать, как из—за нее могли драться на лестнице пьяные Булатов и Кочин. Не за право обладать, конечно нет!. Может быть, Кочубей с его добрым и счастливым взглядом заметил Булатовский – недобрый, пытающийся вскрыть тайну мышления обожаемой Ленки. Было ли этого достаточно, чтобы убить? Более чем! «Убить» в том смысле, в котором искренние люди запросто бросают: «Повесить тебя за это мало!» Или, наоборот, Булатов решил, что Кочин недостаточно почтителен с возлюбленной... У обоих – жены, непостижимые русские женщины с безгра-

ничными размерами души, о которых не случайно грезят мужчины всех континентов планеты... Но Ленка – принцесса, королева, из тувальки которой они готовы были пить даже советский портвейн. Какие там были сложности, переплетения судеб, влечений и полетов души – об этом даже гадать не стоит...

А Елена продолжала говорить.

– Его эта дикая жизнь не задавила, понимаете? – она строго посмотрела Питу в глаза. – И ничего он не испуал! Он просто на порядок выше нас всех по интеллекту, как Слава был выше по своим душевным, человеческим качествам. Фу, какую гадость я сказала! «Человеческие качества...» Таких людей больше нет и не будет! Кочубей! Этим все сказано! А Булатов... он просто жил и живет в предлагаемых обстоятельствах, сам по себе...

– Вы актриса? – догадался Пит.

– Да, – она улыбнулась. – Это видно?

– Видно, – тоже улыбнулся Пит.

– Все правильно, я ведь нашла своего Пигмалиона... Вы, наверное, опять не понимаете, почему это я сейчас, когда Игорь один, Света уехала... Почему я не с ним, в общем, да? Вы знаете, а я просто жутко счастлива. Они меня любили, и я их любила – обоих... Глупо, все глупо, это не рассказать... Они хотели, чтобы я просто была – сидела, молчала, читала стихи... А он – он меня творит, как музыку. Разве можно от этого отказаться? Булат, что Булат?.. Он Булат и есть, я

поняла это там, в лагерной комнате свиданий... Он не сломаётся. Нет, я за него не боюсь... Мне, понимаете, безумно, безумно жалко Кочубея. Восемь лет прошло, а я не могу смириться, что он умер, что его, его!.. убили... Думаете, он Таньку с Денисом не любил? Еще как! Больше всех! Если бы ему нужно было выбирать, он бы, конечно, выбрал их, никто и не сомневался. И я это знала. Просто это не та любовь, которую вы все себе представляете. Лучше всех это понимала Танька. Хотя, с другой стороны, чего тут хорошего... «Был уголок в ее руке от похоронки...» – вдруг точно так же, как Таня Кочина, сильно и красиво пропела Лена.

Она не знала, что тут правда, что ложь – просто жила, как умела.

Пит в этот момент понял, что сделает Кир, когда услышит о возлюбленной Кочубея: «А ну-ка поставь мне эту Долину», – скажет Кир и будет прав.

– Знаете, потом, на поминках, – стала рассказывать Лена, откинув волосы со лба, – Сашка... Вы знаете, что все это было у Сашки в мастерской?

– Я не знаю, кто такой Сашка и где эта мастерская.

– О, это теперь большой человек. Разъезжает по Западной Европе, дает интервью... В общем, стрижет купоны с того, нашего времени... За последние пять лет не написал ни одной картины. А вообще он писал славные картины, такие круглые... Мне всегда казалось, что из картины на меня смотрит круглый детский глаз. Где-то он там прятал ре-

бенка... И вот когда мы хоронили Кочубея, все напились... Страшно... И Сашка кричал: «Кочумай, Кочубей!»

Пит вздрогнул. Лена прокричала эти два странных слова протяжным хриплым голосом.

– Мол, спи спокойно дорогой товарищ... – Лена хихикнула. – Он выкрикнул это раз двести, и по-моему, все сошли с ума только от его крика. Это был какой-то припев к песне, которая звучала внутри него... Кочума-аа-й, Кочубе-ей... – снова повторила она, только уже тихо. – Восемь лет, что бы я ни делала, как бы ни затыкала уши, этот крик звучит у меня в голове. Может быть, это кончится, если вы сумеете докопаться до правды... если у вас получится... Как я хочу, чтобы у вас получилось! Чем я могу вам помочь? – она внезапно схватила Пита за руку.

– Вы бы мне действительно помогли, если бы составили список всех людей, которые были на той вечеринке у Сашки... как его фамилия?

– Варфаломеев. Там было... человек двадцать... – она с сомнением покачала головой.

– С адресами и телефонами, если возможно.

– Вы хотите поговорить с каждым из нас? Это займет два года! А, поняла! Вы соберете нас всех в том подвале, поставите напротив отсидевшего свое Булатова и будете провоцировать убийцу на признание, чтоб у него нервы сдали, да? – Лена засмеялась. – Неплохая идея, как вам кажется?

– Кочумай, Кочубей, – остановил ее Пит. Лена заткнулась,

как будто ей забили в рот кляп. – Извините, я случайно... От этих двух слов, и правда, оторопь берет, так и подмывает сказать их по какому-нибудь поводу... Или просто так.

– Или просто так, – повторила Лена. – Я попробую... составить вам список, хотя...

Пит попытался ее отвлечь:

– А почему вы меня пригласили сюда, к Михайловскому замку? Живете неподалеку?

– Нет, – Лена постепенно обретала дар речи. – У нас здесь студия. Эти ступени – самые лучшие подмостки города... А я бы хотела, чтобы вы почувствовали искусственность, ненатуральность этого дикого убийства. Я люблю театральные эффекты... Но вы, как я вижу, тоже...

– А что за подвал, что за мастерская, где вы тогда пьянствовали? – Пит обругал себя, споткнулся, но слово уже вылетело. – Извините...

– Пьянствовали, пьянствовали! – согласилась Лена. – Мы только и делали, что пили. И вот вам результат... А Сашкина мастерская, бывшая, конечно, здесь, недалеко, переулок между Фурштадтской и Кирочной, двухэтажный флигель во дворе. Раньше была дворницкая, а потом – котельная, плюс мастерские художников андеграунда. История Петербургской культуры. Когда-нибудь этот флигель будут охранять, как дом Раскольниковова.

Пит нахмурился. С Достоевским получался явный перебор. Но, будучи подругой Булатова, не могла же Лена не чи-

тать его пьесы...

– А вы читали пьесу Булатова?

– А как же! Даже когда—то собирались с ребятами ее ставить. Только там роли для меня нет! А вот ощущать город по—другому, иначе, научил меня Игорь... Мы столько с ним ходили! Дождь, снег, ветер – идем и идем... Здорово! Вы не представляете, какое это счастье: жить в Петербурге, по которому гулял Онегин, бродил Родион Романович, шла и идет Незнакомка Блока... «Умышленный» город. Значит его может выдумывать каждый человек заново, для самого себя! Это единственное, что питает душу и сердце. Все остальное – мертво и глупо.

– Где вы играете, Лена?

– О, мой муж теперь ужасно знаменит! Он поставил «Бестолковщину» со мной в главной роли и получил пятнадцать премий.

– А-а-а, – вспомнил Пит, – ваш муж – Кирилл Финич, а вы – его бесподобная единственная актриса...

– Я же вам говорила, что нашла своего Пигмалиона... – Лена посмотрела на него открыто, радостно, совершенно не скрывая своего счастья, не кокетничая, не придумывая роли. Она была готова в этой жизни к чему угодно, но сейчас была счастлива и не хотела отказываться даже от одной—единственной минуты этого состояния.

Пит смотрел, как она уходит по Фонтанке, сидел, курил – и тоже был почти счастлив. Эта замечательная Лена умела

одаривать таким состоянием, причем даже без примеси зависти. Редкое, волшебное качество.

Глава 7

В тусклых сумерках Пит подошел к дверям своей конторы. За окном горел свет. Значит, Кир уже возвратился из своего исторического вояжа.

– Привет, – сказал он подозрительно веселому шефу. – Я смертельно голоден. Если ты не возражаешь, я расскажу тебе обо всем после ужина.

Кир приоткрыл один глаз. В ожидании товарища он уютно устроился в кресле и сам себе приказал ни о чем не думать. Это было лучшее, что он умел в состоянии легкого похмелья: плыть по волнам собственного сознания, всматриваясь в те картинки, которое оно услужливо разворачивало внутри головы. Да, внутри головы была жизнь! Она стояла того, чтобы за ней хотя бы наблюдать. Так, исподтишка, как бы не беря ее в расчет. Участвовать в ней Кир не собирался. Достаточно того, что эта жизнь избрала местом действия его собственную голову. Какие—то люди произносили непонятные слова, какие—то шерстяные кофты болтались на веревках, проглядывал то бампер машины, то обломок кирпичной стены... Совершенно ничего заманчивого, даже привлекательного. Но жутко интересно – как факт реальной действительности.

Пит оставил невразумительную записку: ушел на встречу, жди. Сколько, чего – неизвестно. Вот Кир и расслабился.

Мгновенно выйти из этого состояния было не просто. Поэтому он изобразил гораздо более пьяного, чем был на самом деле.

– Есть о чем рассказывать? – спросил он заплетающимся языком.

– Да так, кое-какая информация. Я встречался с Еленой... сейчас ее фамилия Финич, если она тебе о чем-нибудь говорит.

– «Бестолковщина», – тут же отреагировал Кир. Дальше делать вид, что он сильно пьян, было невозможно. – Я видел этот блестящий спектакль. В отличие от тебя. Ты у нас не театрал.

– Я у нас не театрал. И я хочу есть. Это та Лена, которую не поделили между собой Булат и Кочубей.

– Интересные у тебя свидания, – присвистнул Кир. – Поехали, я заказал столик у Володи.

– Жаль, я этого не знал, пригласил бы Елену в нашу компанию, – настроение Пита резко повысилось.

Он любил либо что—то перехватить на бегу, либо уж оттянуться в свое полное удовольствие за хорошим столом. Больше удовольствия, чем поесть у Володи, в принципе существовать не могло. Они быстро повключали все приборы, свет, захлопнули дверь (никаких кодовых замков они никогда не ставили – зачем? если кому—то понадобится, войдут сквозь кирпичную стену, такой опыт у них уже был) и сели в машину.

Припарковался Пит в тихом переулке, где светилась вывеска «В Коломне».

К Володе они ходили в том случае, если оба вечером оказывались в городе. Володя был старым однокашником Кира, они вместе учились в начальной школе, а потом журналист Кириллов – в незапамятные уже времена – первым написал о первом в городе кооперативном ресторане своего друга. Тогда газеты еще не помышляли о рекламном бизнесе, это был просто интересный рассказ о замечательном человеке. Володя после этого считал, что обязан Киру по гроб жизни, но обязан-то ему был именно Кир, потому что Володя – Дай Бог ему здоровья, – по сути дела, прятал своего друга целый год, пока Пит жил у мамы в Америке и учился в школе детективов. Перед ними тогда стояла единственная задача: выжить...

Они вошли в небольшой, отделанный темным деревом зал – и к ним тут же приблизился сам Володя, крупный высокий человек, с нежностью глядящий на Кира.

– Что вы будете пить, друзья мои? – поинтересовался он.

– Только кофе и персиковый сок с мякотью. Нам позже предстоит поработать. А я, как ты заметил, не совсем в форме, – Кир тяжело опустился в кресло возле сервированного столика.

Пит сел напротив. На краешек стула присел Володя.

– Как дела? – спросил он.

– Нормально, – кивнул Кир и отправил в рот огромный

лист салата.

– Где ты умудрился наклюкаться? – поинтересовался Пит, накладывая себе салат.

Кир хихикнул.

– В соседнем с Родионом Романычем доме открылось кафе. Знаете, как оно называется? Впрочем, – он ткнул в Володю длинным пальцем, – ты должен знать. «МамеладовЪ»! С ятем на конце. Я не мог не выпить с человеком, который это придумал. Его зовут Дмитрий Беговой, в Питере без году неделя, но Достоевским болен с рождения. Потому и приехал сюда, а не в первопрестольную. Я ему все рассказал – про Булатова, про Кочубея. Понял, с разбегу все понял мой Дима Беговой, и мы с ним еще раз прошли весь путь, все семьсот тридцать шагов. Это – кое—что, я вам доложу, – Кир неопределенно повел в воздухе пальцами руки. – Перспектива, проекция, ретроспекция... Вознесенской церкви уже нет – увы нам... Ну, а потом мы помянули: и Родиона Романыча, и старика Мармеладова, и самого Федор Михалыча, и Порфирия Петровича... За нас с тобой, Пит, значит, выпили... Но сейчас ты за рулем, и я из солидарности с тобой пить не буду, потом дома немножко расслабимся...

– Это все очень интересно, – сказал Володя, – надо обязательно повидаться с этим Димой, ты устроишь это, да, Ваня? А сейчас я пойду, – дела, извините...

Стол был сервирован отменно. Их обслуживал спокойный ловкий официант, вышколенный не иначе, как в ресторанах

Испании. Он задавал безмолвные вопросы, так же молча кивал, подносил блюда и чем—то в промежутках неторопливо занимался возле своего буфетика, не выпуская из виду клиентов. Другие столы он в это время не обслуживал — таково было правило, заведенное Володей: для почетных гостей на целый вечер выделялся персональный официант.

Они вкушали долго, смакуя каждое блюдо, отстраняясь от тарелок, отдыхая с сигаретой в руке от сложного процесса. Осматривали зал. Люди здесь казались знакомыми. Почему—то. С каждым блюдом Кир все больше трезвел.

– Мясо роскошное, – откомментировал Пит, – а пирожное...

– Это не пирожное, убожество ты советское, – возмутился Кир. – Ты посмотри: это нечто! С цукатами, орехами, меренгами... и черт знает с чем еще! Произведение искусства.

Володя тут же оказался возле них, как будто услышал, что разговор зашел о самом близком его душе предмете.

– Да, ты знаешь, кондитер у меня замечательный, – Володя присел и начал рассказывать. – Я его посылал учиться в Париж и в Варшаву, но самое главное, что он сам сочиняет рецепты своих пирожных, каждый день – и никогда не повторяется. Иначе ему неинтересно. К сожалению, я не могу вас познакомить, он работает только ранним утром. Говорит, что в Париже просыпался в пять утра от запаха горячих круассанов и хочет дожидаться, когда его будут будить в Петербурге запахи горячей выпечки. И сам способствует

наступлению этого замечательного времени... Ваня, я тебя умоляю: ну хотя бы каплю ликера к кофе...

Кир сделал отрицательный жест рукой.

– Знаешь ли ты, старик, что тебе, единственному на всем белом, свете позволено называть меня Ваней?

Володя улыбнулся и кивнул. Вообще—то он был немногословный человек, он любил слушать людей, а особенно своего друга Кириллова, но для этого ему требовалось высвободить хотя бы чуть—чуть времени от постоянных коммерческих забот.

– Никаких ликеров! – провозгласил Кир. – Меня нужно везти домой...

– Спать, – объяснил Володе Пит. – Он вообще не спал эту ночь. Хотя отношения твоего друга со сном для меня непостижимы. Не исключено, что он и всю сегодняшнюю ночь заставит меня работать и сам будет делать то же самое.

– Не исключено, – Кир поднял вверх указательный палец. – А что же мы? – процитировал он доходчиво. – И мы не хуже многих, мы тоже можем ночь не досыпать...

Они распрощались с Володей, разыграв привычную «китайскую церемонию» с поклонами, восхищенными взглядами и ритуалом опускания купюры достаточно большого достоинства в русский чугунок. На эти деньги Володя по утрам кормил близлежащих и близстоящих бомжей.

Кир окончательно протрезвел. Его, конечно, можно было везти домой спать, но Пит хорошо знал, что Кир мог про-

спать восемнадцать часов кряду или вообще не ложиться три дня подряд – с равным успехом. Представив себе минувшую ночь с культпоходом в сторону метатекстов Петербурга и раскола сознания, можно было предположить любой из возможных вариантов. В машине шеф вздремнул – спокойно отключился минут на двадцать, которых ему хватило, чтобы чувствовать себя полностью отдохнувшим.

А потом по всем комнатам Особняка, как и предполагал Пит, начал летать голос неосязаемой Вероники Долиной. Кир слушал и не слушал. Он расхаживал с сигаретой в руках по гостиной и рассуждал сам с собой.

– Что же мы имеем в итоге?

Он глянул на прикорнувшего в кресле Пита.

– Мы имеем трех сумасшедших баб, которые с пеной у рта орут, что Булатов не убивал. Хорошо. Допустим, что это так... Они поговорили, может быть, дали друг другу по морде... Для острастки или так, на всякий случай... Булат ушел обратно в мастерскую...

На старой пленке очень нечетко проступили контуры лестницы и двоих людей, пьяно шатающихся возле тусклого оконца...

– Кстати, – сказал Кир, – надо будет посмотреть на эту мастерскую или что там теперь...

– Ты действительно хочешь собрать их всех вместе?

– Нет! – с отвращением отрезал Кир. – С толпой людей ничего невозможно сделать. Тем более, что нужен только один.

Предположим, это Варфаломеев... Я о нем слышал, довольно неприятный тип... Он видел, как вернулся Булат... (Старая пленка снова зашуршала, но разобрать на ней хоть что-то было невозможно, сквозь треск отчетливо слышался сегодняшний голос Кира.) ... вышел на лестницу, потренировался на теле Кочубея, как отбивать футбольный мяч, а потом на похоронах двести раз посоветовал бывшему другу: «Кочумай, Кочубей...»

Кир замолк. Он тоже вдруг почувствовал – на вкус, на слух – завораживающую силу этих двух слов. Пит с интересом наблюдал за ним. В своем рассказе он постарался эти слова почти проглотить, но Кир, конечно, услышал, обратил внимание как на деталь, безусловно, важную – впрочем, не так, как теперь. Теперь он врубился по—настоящему и повторил громко и протяжно:

– Кочумай, Кочубей. Да-а-а... Пожалуй, Варфаломеев отпадает... Да и привел я его в пример просто так, это мог быть кто угодно из них.

– Суть в том, – сказал Пит, пытаясь бороться со сном, – что мы имеем совершенно немотивированное непредумышленное убийство... Очень хочется спать, ну очень!.. Даже тот, кто врезал ему под ребра сапогом, не мог предположить, что Кочубей умрет. Тем более, что в больнице, например, могли совершенно случайно поставить правильный диагноз, положить мужика на операционный стол и заштопать... Случай – операбельный, я проверял. Так что еще неизвестно,

кто убил Кочубея. Скорее всего последнее слово осталось за нашей родной советской медициной, которая, как известно, лучшая в мире. Особенно по части диагностики... Кир! Если мне придется искать их всех и с каждым разговаривать, я застрелюсь. Но это потом, – пообещал он, – сначала пошли спать!

– Нет, погоди! – Кир завелся. – Значит, Булатов вернулся в мастерскую к своей женщине. Победителем, надо полагать. А Кочубей остался на лестнице. Это факт?

– Что Булат вернулся победителем?

– Нет, что Кочубей остался на лестнице?

– Факт.

– Кочубей пьян, расслаблен... – Кир волчком начал крутиться по комнате. Он – соображал, пытался ухватить все детали, связать их воедино. – Он расстроен, рассержен, утомлен – все, что угодно... Он...

– Лежит на полу, – предположил Пит.

– Чего ради? – удивился Кир. – Что делает русский пьяный, но еще не до конца, человек на лестнице? Не знаешь. А я – знаю. Он сползает по стенке и отдыхает... некоторое время... прислонясь к ней спиной. Дальше – либо падает и засыпает, если уже вдребодан, либо собирается с силами и бредет в квартиру. А Кочубея находят спустя два часа без сознания... Нет, ну конечно, придется выяснять, кто нашел, кого уже к тому времени не было, кто вызывал «скорую»... Без реконструкции событий, хотя бы приблизительно-

но, не обойтись... Слушай, а какого он был роста, наш Кочубей, который – кочумай?

– Не знаю, – с Пита неожиданно почти слетела вся сонливость. – Мне Лена оставила телефон, я позвоню?

– Попробуй, – согласился Кир и, успокоившись, как будто все проблемы он уже решил, плюхнулся в кресло.

Лена сняла трубку сразу, как будто ждала звонка, хотя было уже очень поздно.

– Слушаю.

– Лена, это Олег Петров. Мы сегодня с вами встречались на ступенях Михайловского замка. Помните? Можно вам задать один, может быть, идиотский вопрос?

– Задавайте.

– Какого роста был Кочубей?

– О! – Лена расхохоталась. – Он был огромный! Высоченный, под два метра, пятьдесят шестого размера... Как мы ему доставали джинсовую рубашку – умереть!.. Ну, в общем, как Сережа Довлатов, представляете себе?

– Представляю, – он опять вспомнил слова Тани: «Булат? Ногами? Кочубея?..» Да, такое казалось совершенно невероятным. – А кто его нашел?

Лена помолчала.

– Я...

И снова зашипела старая пленка.

В три небольших пролета лестница с узкими железными перилами как-то съехала набок. От входа несколько ступенек

вели на площадку с приоткрытой железной дверью. Отсюда лестница уходила вверх налево, и там, на такой же площадке возле стены полусидел крупный человек. Прямо перед ним шел вверх следующий лестничный пролет, но он сидел, опустив голову.

Нижняя дверь распахнулась, из нее выглянула Лена.

– Кочубей! Ну что ты тут сидишь? Эй, или ты уснул? А кто может спать только на мягкой постели и чистых простынях?

Не обнаружив никакой реакции, Лена взлетела по ступенькам, присела перед Кочубеем на корточки, положила ладонь ему на плечо.

– Слава! – Лена подняла его голову и поняла, что он без сознания. Она схватила его за плечи и стала трясти. – Слава, Слава!..

И тут Кочубей застонал. Лена отшатнулась, посмотрела вниз через плечо и увидела, что из железной двери выглядывают лица ребят.

– Скорее, вызывайте «скорую», Славке плохо!

Несколько человек бросились на площадку.

– Кто же к пьяным ездит... Давай перенесем его вниз...

– Кочубея убили! – вдруг закричала Лена страшным голосом.

Дверь распахнулась, из нее выскочили все, кто был в мастерской. Впереди всех бежал Булатов. Лена отпихнула его, он попытался ее обойти, но она снова его оттолкнула и пошла на него, упираясь тонкими руками ему в грудь.

– Уходи с глаз моих, уходи отсюда, гад, ты что сделал? Да тебя сейчас на куски разорвут...

Булатов еще пытался прорваться наверх, когда до него дошли Ленины слова.

– Ты считаешь... Что это я? Я?!

Повернулся – и ушел. За ним хлопнула дверь подъезда.

Пленка оборвалась, что-то щелкнуло – и наступила темнота.

Пит положил телефонную трубку.

– Ты у нас умный, ты и думай, – повернулся он к Киру. – Кочубей был огромного роста, как Довлатов, нашла его Лена, первая заорала, что его убили, пыталась вытолкать с лестницы Булатова. Он был поражен, цитирую: «Ты считаешь, что это я, я?!» Вопрос, восклик, кавычки закрыты. Последние слова Кочубея ты знаешь. Все, я пошел спать.

– Хорошо... Понятно... Ладно, ты иди, а мне надо за компьютером посидеть... Тот запрос, что ты получил по факсу, довольно интересный.

Глава 8

Утром Пит обнаружил включенный в кабинете свет и Кира, спящего в гостиной на диване. Одетого.

В кабинете по всему ковру валялись тексты распечаток. На чистом столе расположился один-единственный лист бумаги: копия арендного договора.

Пит легко пробежал листок глазами. Ситуация, как он и сказал по телефону клиенту, довольно типичная: в аренду сдавалось помещение, уже дважды сданное не только в аренду, но и в субаренду. Поднимая с пола и просматривая некоторые бумаги, Пит понял, что дело действительно могло быть интересным. За аренду вносились баснословные суммы, полученные из самых разных регионов страны. Это значит, у кого-то не хватило ума организовать централизованную сдачу денег. Изначально Пит был прав: можно спокойно подавать иск в арбитраж. Правда, не худо бы выяснить, какой в этом деле имел интерес их потенциальный клиент... Да и Кир провозился с этим всю ночь. Почему?

Один документ был действительно уникальным: учредителем трех фирм—арендаторов выступала солидная питерская компания с участием британского капитала. Она ни разу не проходила по сети запросов «КП», значит практически была чиста. «Она была чиста, как снег зимой, в грязь соболя!...»

Чтобы проверить себя, не присаживаясь к столу, Пит включил компьютер, вызвал нужный файл и очень удивился: не было такой фирмы в банке данных! Как не было, когда даже Питу она была известна? Это уже просто странно... Пит уселся за компьютер, пробежался по другим документам. Так... Начало деятельности предприятия... Три месяца назад. Как три месяца, почему три месяца? А когда заключен первый договор аренды? Два года назад. Как это и почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.